

КРЕМЛЬ 2222

северо-запад

Дмитрий Силлов

Дмитрий Олегович Силлов
Кремль 2222. Северо-Запад
Серия «Кремль 2222»
Серия «Снайпер», книга 6

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2801365

*Дмитрий Силлов. Кремль 2222. Северо-Запад: Астрель, Астрель-СПб;
Москва, СПб; 2011
ISBN 978-5-271-39230-6, 978-5-9725-2184-5*

Аннотация

Снайпер стал легендой там, на отравленной земле Зоны. Теперь его поле битвы здесь – в таком же отравленном смертью мире Москвы, пережившей ядерную войну. В мире мутантов, киборгов и Полей Смерти. В мире, где жалкие кучки людей пытаются выжить и сохранить себя. Сохранить человечество. Снайпер нужен здесь. Потому что он умеет убивать. Он готов спасать – друзей. А ещё он способен прощать. Врагов. Он – Снайпер, совершенный воин, которому не хватает лишь одного. Любви.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

106

Дмитрий Силлов

Кремль 2222. Северо-Запад

На этот раз я подготовился основательно. Просто я точно знал, куда отправляюсь. А еще я знал, что в аду для того, чтобы тебя сразу не посадили на теплую сковородку, надо быть вооруженным несколько лучше коренных обитателей пекла.

Один из них сейчас несся прямо на меня, раззявив пасть с желтыми пеньками обломанных клыков. Впрочем, этих обломков вполне хватило бы, чтобы откусить по локоть мою руку и даже не подавиться тем, что я сжимал в своей ладони.

Абориген был грязен, лохмат и уверен в своей неуязвимости. Деревянные доспехи, грохочущие при каждом прыжке, здоровенный топор в лапах, налитые кровью глаза... Наверняка по его прикидкам низкорослое существо в странной пятнистой одежде должно было в ужасе пасть на колени. Однако нет, стоит, руку вытянуло, какую-то смешную штуковину наставило...

– Arrrrrrrr!!!

Огромный топор со следами примитивной холоднойковки взметнулся над головой красноглазого чудовища...

И опустил.

Хоть и быстро, но как-то неуверенно. И явно не туда, куда хозяин рассчитывал его опустить.

Просто за мгновение до удара, смертельного для чужака в нелепой одежде, доспехи аборигена на уровне груди перечеркнула строчка аккуратных дырочек. На фоне эдакой горы мускулов дефект незаметный... но, как оказалось, мало-приятный.

Я качнулся в сторону, пропуская мимо себя монстра, слегка потерявшего ориентацию в пространстве. И дополнительно перечеркнул его спину еще одной очередью из ПП-90М1, оружия со шнековым магазином на шестьдесят четыре патрона, без плечевого упора схожего размерами с дуэльным пистолетом девятнадцатого века. Эх, Александру Сергеевичу бы такой, чтоб Дантеса девятимиллиметровыми пулями заминусовать от плеча до пояса... Да нет, наверно, ему б кодекс чести не позволил. И в спину вражью он бы стрелять не стал – в отличие от меня. Хотя кто его знает? Когда на тебя такая вражина жуткая ни с того ни с сего прет, не до условностей как-то.

Да к тому же и не фатально впечатлил «вражину» мой пистолет-пулемет. Мотнул башкой, как тот олень из анекдота и, не анализируя, с чего это ему все хреновей и хреновей, развернувшись на пятках, ринулся в новую атаку.

Кого-то ранения расслабляют, даже незначительные. Заставляют экстренно, как в кино, упасть на землю, зажать поврежденное место и замереть, прислушиваясь к себе на тему «насколько со мной все погано и не помру ли я ненароком?». А кого-то даже фатальные дырки в фигуре заставля-

ют драться с удесyтеренной силой. Мол, я сдохну, но и тебя, сука потрошёная, с собой на тот свет утяну!

Я бы, конечно, предпочел первое.

Но мне, естественно, как всегда, подалось второе.

Гора лохматого мяса метнулась ко мне с невообразимой скоростью, разбрызгивая вокруг себя вишневое облако, – из черных отверстий в деревянных доспехах кровь хлестала неслабо. И отреагировать я успел лишь чудом, на рефлексах, ткнув в облепленную пеной морду стволом своего ПП-90М1.

Метил в глаз, а попал в пасть. И даже на спуск успел нажать, прежде чем страшные челюсти захлопнулись словно медвежий капкан.

А потом меня просто снесло, словно незадачливого серфингиста, накрытого девятым валом. Лишь в последний момент я успел как-то сгруппироваться, упасть на спину и с силой садануть обеими ногами под доспехи, в лохматое брюхо, дополняя инерцию броска монстра собственными усилиями – жалкими по сравнению с его мощностью, но, как оказалось, результативными.

Чудовище перелетело через меня и шлепнулось на землю, подняв тучу пыли. Которую порыв шаловливого ветерка швырнул мне прямо в физиономию.

Мгновение – и я стоял на ногах, готовый воевать до победного конца как только протру глаза и выплюну изо рта набившуюся туда дрянь, которую хватанул на вдохе. Пистолет-пулемет остался в пасти монстра, но на поясе у меня висела

кобура с полуавтоматическим «Фортом-21.03», а в рюкзаке на спине лежала сумка с замечательной машинкой ВСК-94, разобранный до поры до времени. Признаться, СВД я люблю больше. Но, как показал прошлый опыт, компактная бесшумная снайперская винтовка-автомат с магазином на двадцать патронов, пожалуй, в условиях ада будет практичнее дальнобойной, но несколько громоздкой «дегтяревки».

Ну и, конечно, висела на моей разгрузке рукоятью вниз «Бритва» – боевой нож, бессменный спутник в моих скитаниях. Чистая, незамутненная смерть с совершенным клинком, способным как разрубить напополам «Винторез», так и вскрыть тонкую, невидимую границу между мирами...

Правда, сейчас это был обычный очень острый нож, не более. Его клинок больше не отливал лазурью как прежде. Свою энергию «Бритва» отдала полностью, когда я во второй раз рассек пространство и ушел из своего мира. Надеюсь, что навсегда. Ад наяву лучше ада в душе. И очень хочется верить, что здесь я сумею от него избавиться...

Навороченный «Форт-21.03» машинка серьезная. На удивление легкая для пистолета таких размеров, магазин на шестнадцать патронов, в руке лежит замечательно благодаря анатомической рукояти. Правда, сильно сомневаюсь, что, если мой визави выжил после очереди в пасть, пистолет сможет мне чем-то помочь. Но не с голыми же руками стоять ожидая, встанет чудище лохматое с разбитого асфальта или нет.

Не встал. Остался лежать вниз мордой, из-под которой медленно растекалась черно-красная лужа.

Уффф... Я уж думал он бессмертный. Помнится, в прошлое посещение этих замечательных мест рассказывал мне кремлевский дружинник Данила про нео, полулюдей-полуживотных¹. Мол, это дети эволюции, повернувшей вспять после ядерной войны. Интересно, такими же как этот монстр были наши предки-неандертальцы? Или все-таки люди произошли от менее лохматых, вонючих и агрессивных существ?

«Лирика – это потом», – притормозил я мысленно поток раздумий, свойственных мне после хорошей драки. Или до. Или во время. Бывает со мной такое – думаю в экстремальной ситуации о всякой ерунде. Хотя, вопреки утверждению о том, что «думать вредно», это нормально. Иначе и испугаться можно, особенно когда такая туша на тебя прёт. А так ворочается в голове чушь какая-нибудь, к драке отношения не имеющая, а тело на рефлексх само себя спасает без участия мозга. Сейчас же этот мозг, вернувшийся к мыслительной деятельности, релаксирует постфактум, о прошлом человечества беспокоится.

В общем, притормозил я разогнанные адреналином мысли и направил их в нужное русло. Честно говоря, обидно бы-

¹ О приключениях Снайпера до описываемых событий можно прочитать в романах Дмитрия Силлова «Закон Снайпера», «Кремль 2222. Юг», «Закон Меченого» и «Закон наемника».

ло в первые же минуты после перехода в другой мир потерять ПП-90М1. О том, что мог руку потерять вместе с головой, почему-то не думалось, а они, кстати, запросто бы в пасти мутанта поместились. Но коль не поместились – и хорошо. Пойдем посмотрим, может, и оружию моему повезло так же, как хозяину.

Особо ни на что не надеясь, я подошел к мутанту, поморщился от острой вольерной вони сроду не мытого тела, ухватил шерсть на загривке тупа и, поднатужившись, приподнял тяжеленную голову.

Увы, оружию повезло меньше, чем мне. Когда нижняя челюсть огромного нео оторвалась от земли, на примятую, окровавленную траву упали два патрона и несколько бесформенных светло-коричневых осколков.

Понятно. Ствольная коробка и магазин, выполненные из высокопрочных пластмасс, не выдержали давления огромных челюстей монстра. В общем, минус один к моей огневой мощи.

Плюнув в сердцах, я не особо почтительно положил как минимум двухпудовую башку обратно где взял и подобрал патроны. Как всякий уважающий себя бродяга, такими вещами я не разбрасываюсь. При случае, может, и вернусь сюда, когда хищные звери растащат по кусочкам мертвечину, – в пасти тупа осталось как минимум полсотни годных патронов. Но сейчас без хорошего лома костяной капкан не вскрыть.

Ладно, с противником покончено, теперь можно и осмотреться.

В общем, попал я туда, куда рассчитывал. Мертвый мир мертвых зданий. Развалины куда ни кинь взгляд. Сложно даже предположить, как эти поросшие мхом и обвитые гибкими стеблями руины выглядели двести лет назад, когда над землей пронеслось огненное цунами Третьей мировой. Бессмысленная война, в которой выиграли лишь вот эти растения-мутанты, научившиеся жрать дармовую энергию зараженной земли.

Я засунул «Форт» в кобуру и, на всякий случай вытащив из кармана портативный многофункциональный компьютер-наладонник, замерил уровень радиации. Терпимо. На зараженных радиацией землях Украины бывало и хуже. Интересно, мой мир ждет то же самое? Или же это и есть временная проекция моего мира? Впрочем, гадать бесполезно. Лучше определиться точнее, куда меня занесло на этот раз.

Включил режим «Видео. Поиск ориентиров» и поводит наладонником из стороны в сторону. Умная машинка задумалась на несколько секунд и выдала результат: «Найдены три идентифицируемых объекта – ...результат: город Москва. Ближайшие улицы: Лесная, Новолесная».

Ясно. Как я и предполагал ранее, межпространственный канал, открывающийся при использовании «Бритвы», работает только в две стороны: Украина – Москва и наоборот. Или, может, я просто еще не умею как следует пользоваться

своими способностями Перехожего, путешественника между мирами? Хотя не особо оно мне и надо. Этот мир более-менее мне знаком, попробуем обосноваться здесь. И желательно с максимальным комфортом...

Впрочем, в следующее мгновение я сильно засомневался насчет перспектив своего светлого будущего. Потому что с той стороны, откуда неся на меня покойный ныне мутант, из-за развалин стали появляться одинаковые серые фигуры.

Твари бежали быстро и пружинисто, как и положено передвигаться настоящим воинам и охотникам, окружающим добычу. В лапах они держали оружие весьма разнообразное – дубины, утыканные обрезками арматуры, копья, луки со стрелами, у одного даже меч имелся. И было тех мутантов много, штук тридцать, не меньше.

Ростом и габаритами они лишь незначительно уступали моему мертвому противнику, исходя из чего «Форт» из кобуры можно было и не вытаскивать. Будь у меня в руках не наладонник, а собранный ВСК-94, может, я б уложил пару-тройку нео, прежде чем остальные превратили меня в ежа, утыканного образцами первобытной военной мысли. Убегать же от них заведомо дело гиблое. Эти развалины – их охотничьи угодья, где они наверняка знают каждый валяющийся на земле обломок кирпича как свои пять пальцев. К тому же изображать из себя загоняемую дичь как-то не хочется...

Н-да, недолго я пробыл здесь в роли легендарного супер-

мена – лишний повод задуматься мечтателям, грезящим о полетах в прошлое с АК наперевес. Один автоматический снайперский комплекс против десятка копий и полудюжины луков не катит по определению, особенно когда он в разобранном виде болтается за спиной. Потому мне ничего не оставалось, как не спеша достать из разгрузки ребристую «эфку», разогнуть усики и улыбнуться.

Мутанты уже окружили меня – на это им понадобилось от силы секунд пять. Шустрые предки... или, скорее, потомки. Впрочем, какая разница? Указательным пальцем левой руки я уже зацепил кольцо гранаты. Ближе, бандерлоги, ближе. Мое мясо очень дорогое – по крайней мере для меня – и обойдется оно вам в не один десяток ваших вонючих шкур, которые я сильно попорчу, прежде чем превращусь в шашлык...

Однако кольцо я не выдернул. Потому что застыл от удивления.

Мутант с мечом в лапе коротко рыкнул – и вся шайка зубастых гамадрилов вдруг синхронно взревела, оскалив клыки длиной с винтовочный патрон калибра 7,62. При этом они разом подняли над лохматыми головами свои колюще-дробящие палки, весьма энергично ими потрясая.

Забавное шоу. Которое, тем не менее, не отменяло моих прежних намерений дорого продать свою жизнь. Фиг его знает, может, это они начало каждого обеда так празднуют. Но тут в их реве я отчетливо расслышал слова: «Слава чу-

жаку!»

Хммм... Интересный расклад. Поскольку неместный в этих краях лишь я один, значит, славу поют исключительно моей скромной персоне. Что поют хреново, того и гляди оглохну – неважно. Главное, есть не собираются. Хотя тоже не факт. Может, у них обласканное дифирамбами мясо лучше усваивается.

Исходя из чего усики «эфки» я в исходное положение разгибать не стал, а лишь положил ее обратно в гранатный подсумок разгрузки и стал ждать, чем же закончится это представление.

Закончилось оно быстро. Меченосец рывкнул вторично – и его нечесаная банда разом заткнулась, опустив дубины и копья в положение «приклад к ноге». Кстати, дисциплинка у них что надо. Строй маленько подровнять, помыть, побрить, сменить набедренные повязки на «флору», выдать штатное стрелковое взамен деревянных демократизаторов – и будет чистой воды армейский спецназ из моего недалекого прошлого. Плечищи, мышцы и морды – ну прям образцово-показательная рота, мечта любого комполка...

Между тем «ротный», видимо, в знак дружеских намерений, вогнал меч в самодельные ножны. Кстати, еще тот чехольчик – две резные доски, в которых выдолблено по желобу, повторяющему форму меча. Потом деревяшки связали вместе ремнями и приделали петли для подвешивания к поясу. Конструкция кустарная, аляповатая, да и тяжеленная, су-

дя по провисшей веревке, заменяющей пояс. Но ручная, свидетельствующая о том, что за тяжелыми надбровными дугами нео имеются вполне развитые мозги. Ну и что, яйца тряпками прикрыли, тоже прогресс – при таком скоростном беге того и гляди отморозятся на ветру и демаскируют воина бильярдным постукиванием.

«Ротный» приблизился. Из-под густых бровей мутанта на меня внимательно смотрели маленькие глазки – словно пронзительно-желтые буравчики высверливали дыры в моей голове, пытаюсь извлечь из-под лобной кости мысли чужака.

– Рренг, – наконец отрывисто рыкнул мутант, ударив себя в грудь кулаком величиной с помойное ведро – аж гул пошел, словно в толстостенный барабан саданули. Ага, понимаю. Это он, наверно, таким вот кинг-конговским способом представился. Интеллект интеллектом, но все ж общие предки-обезьяны – это наше всё, от родни не отвертишься.

– Снайпер, – сказал я, слегка хлопнув ладонью по гранатному под сумку разгрузки. Получилось менее впечатляюще, зато двусмысленно – если, конечно, они знают, что такое разгрузка, и что может в ней находиться.

– Снар? – недоверчиво переспросил мутант.

– Можно и так сказать, – пробормотал я, кивая. Не самое стрёмное прозвище. В моем мире такая аббревиатура означала станцию наземной артиллерийской разведки. Так что, если знакомые встретятся, всегда можно отмазаться – мол, в переводе с мутантского это вроде как «Разведчик», а там и

до «Снайпера» недалеко. Хотя, даже если этот мир есть не что иное, как далекое будущее нашей планеты, вряд ли мои знакомые пережили четверть тысячелетия...

– Снар убил Парга, – рыкнул Рренг. – Снар великий воин. Парг долго сидел в Красном Поле. Красное Поле дало ему силу, но забрало разум. Парг убил двоих и бежал, но Снар убил Парга.

Всё это произносилось слегка нараспев, и я понял, что сейчас автоматом формируется народный фольклор о подвигах героя. Меня то есть. Я даже слегка приосанился – положение обязывало, – но тут песнопения прекратились, и на меня вновь уставились желтые буравчики.

– Чем Снар убил Парга?

Так-так, похоже, в песне о подвигах образовался пробыл. Интересно, почетно ли в местном сообществе вышибать мозги его психованным членам из ПП-90М1? Вон уже не слишком дисциплинированный нео наклонился над трупом, копьем пытаюсь поддеть башку мертвого сородича. Как бы объяснить дикарям что такое огнестрел? В голове вертелись только витиеватые «небесные копья», «громовые стрелы» и «огненная вода»... Третье явно не в тему.

– Похожей штукой, – сказал я, доставая из кобуры «Форт». – Только Парг сожрал ее перед смертью.

Я поискал взглядом, во что бы стрельнуть, чтобы продемонстрировать дикарям преимущество цивилизации над первобытной серостью, но мутант лишь коротко кивнул.

– Пистоль хомо, – произнес он с легким оттенком пренебрежения. – Рренг не думал, что Парга можно убить из такой...

Он повертел пальцами в воздухе, подбирая слово, но потом махнул рукой. За его необъятными плечами неприкрыто ухмылялись сородичи.

Я так и не понял, чей рейтинг сейчас упал – мой или непобедимого Парга? Правда, сейчас меня интересовало другое. Мутанты знакомы с огнестрельным оружием, а значит, и с «хомо». То есть с людьми. Кстати, карта показывала, что я был относительно недалеко от Кремля, но, помня рассказы Данилы, соваться туда без разведки мне как-то не хотелось. Хорошо бы выяснить, что знают эти мутанты о людях. И заодно разузнать побольше о местных достопримечательностях, например о Красном Поле, сворачивающем местных амбалов с катушек и заставляющем набрасываться на мирных межпространственных путешественников.

– Но Парг мертв, – сурово подытожил «ротный», и личный состав, синхронно перестав лыбиться, принялся усердно есть глазами начальство. – И Снар теперь наш гость. Пусть все от Пресни до Лосинового острова знают, что клан Рунгов помнит добро!

Вот те на! Города нет уже двести лет, а названия, знакомые мне по карте, живы в памяти мутантов! Предки которых, кстати, были людьми...

Спрашивать, хочу я быть гостем стаи человекообразных

или нет, никто не стал. Окружили в кольцо – и потрусили в направлении обратном тому, откуда пришли. Поди разбери, то ли охраняют победителя, то ли конвоируют. Впрочем, победитель не сопротивлялся и бежал вместе со всеми, стараясь не попасть ногой в колдобину и не зацепить берцем торчащий из земли ржавый кусок арматуры.

За века ветер нанес на развалины порядочно земли. Остатки многих зданий заросли травой и сорняками, практически превратившись в холмы. Но город был застроен очень плотно, и некоторые дома, скрытые от ветра более высокими соседями, сохранились почти в первозданном виде.

Миновав череду холмов, густо поросших травой, выюном и папоротниками, наша группа вышла на открытое пространство, когда-то, наверное, бывшее широкой улицей. На противоположной стороне «улицы», сплошь заросшей жесткой травой, стояло длинное двухэтажное здание, почти не пострадавшее ни от войны, ни от времени. Толстые кирпичные стены старинной кладки оказались намного прочнее воздушных строений предвоенной Москвы, от которых даже холмов не осталось. А здесь даже вывеска сохранилась «Троллейбусный парк». Да только не троллейбусы нынче обретались в том парке...

Рренг удовлетворенно рыкнул, посмотрел направо-налево – точь-в-точь пешеход, собирающийся перейти оживленную улицу, – и побежал к полукруглому подъезду, перегороженному деревянной рогаткой. Я с конвоем, естественно, за

ним.

Видимо, приближение нашей группы вычислили сородичи Рренга через бойницы в полукруглых окнах, заложенных кирпичом. Из подъезда выскочили двое нео и сноровисто оттащили рогатку в сторону. Судя по росту и мордам, имеющим несколько более скромный волосяной покров, нежели у моего конвоя, пара привратников была кем-то навроде отроков в княжьей дружине. Или армейских «духов» – тут уж кому какое определение ближе.

– Слава Рренгу! – синхронно рявкнули «духи», но «ротный» на лесть внимания не обратил и скрылся в темноте подъезда, чудом вписавшись плечами в дверной проем. Следом, вытянувшись в колонну по одному, просочилась и наша команда.

Двухэтажное здание мы пробежали насквозь. Когда-то давно оно было превращено в оборонительный пункт, до которого, судя по сохранившимся стенам, так и не добралась вражья сила. Краем глаза в темноте я успел заметить ржавый остов «Печенег». Ствол пулемета был всунут в щель амбразуры много-много лет назад – и за это время никто не удосужился вытащить его обратно. Понятное дело, кому нужен пулемет без ленты...

Мы выскочили наружу и повернули налево.

Ого! Нео не откажешь в размахе! Когда-то это был огромный трамвайный гараж, судя по всему ныне превращенный в подобие общинного «длинного дома» викингов. На площа-

ди перед гаражом горели четыре костра, над которыми на вертелах жарились туши каких-то животных. Рядом с крайним слева костром были небрежно свалены в кучу сырые серые шкуры. Лохматые дамы, отличающиеся от мужчин лишь наличием развитых молочных желез, присматривали чтоб жаркое не подгорело. Меж кострами носились детеныши с палками в лапках, увлеченно играя в охоту друг на друга. Пара волосатых представителей сильного пола, сидя на пятках, затачивала кирпичами куски арматуры. Остальные нео, свободные от общественно полезного труда, занимались кто чем. Искали вшей друг у друга, загорали, лежа на брюхе, чесались, кидали осколки бетона в человеческий череп, насаженный на палку, – в общем, били баклуши.

За всем этим первобытным безобразием присматривал старый нео – седой, большой, косматый и очень злой, судя по налитым кровью глазам. Хотя, может, у него было что-то не так с органами зрения, потому что окружающие сородичи его не особенно шугались. Так, опасались слегка, косились в его сторону, но не боялись.

В отличие от Рренга.

Как только «ротный» появился на площади, вся лохматая кодла сделала стойку, словно расслабленные менеджеры в офисе при появлении босса: «Начальник пришел!» Лишь седой нео не пошевелился – хотя не исключено, что дед просто неважно видел.

– Р-разойтись! – бросил Рренг через плечо и направился

в «длинный дом».

«И команды тоже остались», – с некоторой тоской подумал я.

И сам себе удивился. О чем тоскуем-то? О том мире, откуда ушел по своей воле? Но, подумав, понял о чем. О прошлом вот этих существ душа слегка заныла. Как знать, может, и в моем мире какая-то тварь в человеческом обличье сейчас примеривается к красной кнопке, а потом через пару столетий звероподобные правнуки моих товарищей по оружию будут кидаться фрагментами облицовки зданий в человеческие черепа...

Ладно, лирику оставим на потом. Лучше пока озаботимся собственным будущим. Вон какой-то тип из разошедшегося по площади конвоя еще один костер разжигает. Кучу древесного мусора навалил, веточку от соседнего костра зажег – и теперь раздувает огонек. Щеки круглые, глаза навывкате, того и гляди волосатую морду давлением разорвет. А что, если у них героев принято с почестями поджаривать и хомячить за здорово живешь, громогласно прославляя при этом их подвиги? Как там у классика? «Кто уплетёт его без соли и без лука, // Тот сильным, смелым, добрым будет – вроде Кука...»

Да нет, непохоже. Волосатый Прометей наконец развел огонь и банально принялся на нем обжигать древко копья, которое приволок ему из «длинного дома» совсем юный подросток. Хммм, интересно, долго я тут буду торчать посреди площади словно памятник утраченному прошлому? Стран-

ное у них тут какое-то гостеприимство, своеобразное.

Оказалось, зря я мысленно ворчал. Нео просто готовились достойно принять гостя из параллельного мира.

Рренг вышел из гаража, облаченный в парадные одежды. На голове у него красовался шлем, выполненный из черепа зубастой мутировавшей лошади. Понятно, что защитные функции такого головного убора минимальны. Наверное, лишь из эстетических соображений напялил на себя «ротный» костяное страшилище с клыками длиной в ладонь, которые доставали ему почти до ноздрей.

Еще на предводителе нео были надеты парадные латы из резных досок, украшенных мелкими косточками, стекляшками и потертыми монетками, браслеты на руках и ногах с аналогичным тюнингом, кожаная набедренная повязка с широким поясом, снабженным настоящей пряжкой, и плетеные из ремней лапти. Из лаптей наружу выглядывали кончики желтоватых когтей. Хотя обувь была выполнена весьма искусно, видно было, что вождю в ней слегка неудобно.

Позади Рренга толпились его воины, также разодетые кто во что горазд. При виде этой картины я еле сдержал ухмылку. Наверняка лохматые воины казались друг дружке воплощением мужества и отваги. На мой же взгляд, они сейчас сильно напоминали разряженных для представления цирковых горилл.

Рренг повел широким, приплюснутым носом в сторону костров и недовольно поморщился.

– Мало мяса, – прорычал он. – Победитель Парга устал и хочет есть.

Реакция последовала незамедлительно. Двое разряженных нео метнулись обратно в гараж и через минуту выволокли оттуда сородича, связанного по рукам и ногам. Тот попытался заверещать, но пудовый кулак лохматого конвоира опустился на затылок пленника, и сородич обмяк, повалившись на колени. Из зубастой пасти вывалился прикушенный язык.

Я успел заметить, что шерсть связанного человекообразного несколько светлее той, что покрывала тела сородичей Рренга. Это было единственным его отличием от нео, находящихся на площади. Но принадлежность к общей породе не помешала одному из конвоиров ухватить пленника за гриву и запрокинуть ему голову назад, а второму молниеносно выхватить нож из чехла на веревочном поясе и полоснуть по открывшемуся горлу.

Кровь из перерезанных артерий плеснула на полметра вперед, но шустрый убийца успел воткнуть нож в плечо жертвы и подставить под струю лопатообразные ладони. Его лапы моментально стали вишневого цвета, меж мясистых пальцев бежали тонкие, вязкие струйки, но нео уже плавным, текучим движением переместился влево и поднес к морде вождя живую чашу.

Ррэнг небрежно сдвинул на затылок шлем и за пару секунд вылакал подношение.

Я невольно поморщился. Сейчас эта гротескная компания уже не казалось мне сборищем цирковых питомцев. Нео убивали просто и без эмоций, так же, как мы режем колбасу на завтрак. Вождь еще по-собачьи хлебал теплую кровь, а его подручные уже приступили к разделке туши убитого. С еще подрагивающего тела двое мутантов спустили шкуру немногим медленнее, чем люди снимают с себя одежду перед сном. И пока Рренг неспешно утирал окровавленную морду и начальственным взором обзирал площадь, тело убитого было уже освежено, выпотрошено, насажено на длинный стальной штырь, выломанный из какого-то декоративного забора, и пристроено над костром.

Седой нео, недовольно проворчав что-то себе под нос, оторвал задницу от разбитого асфальта и проковылял к костру, по пути надавав подзатыльников мешающейся под ногами мелюзге. Достигнув цели, лохматый дед задумчиво поковырялся пальцами у себя в пасти, наскреб в защечных мешках какой-то жеваной пакости и принялся обмазывать ею свежий труп. Не иначе, специями сдабривал мой ужин, в промежутках между ковыряниями сплевывая в костер – наверно, для придания жаркому особого неповторимого аромата.

С «ужина» в костер падали капли крови, не успевшей свернуться от жара, а угли возмущенно шипели и потрескивали. Эти звуки напомнили мне хлопки выстрелов огнестрельного оружия, снабженного глушителем, и я подумал,

что надо бы как-нибудь побыстрее собрать свой ВСК-94, до того как мои новые почитатели решат, что у них опять недостает мяса.

Между тем Рренг сделал жест своим воинам оставаться на месте и неторопливо, с достоинством приблизился ко мне.

– Пошли, – сказал он, кивая шлемом на слегка обтесанное бревно. – Рренг хочет говорить.

«Ишь ты, людоеда потянуло на потрепаться», – подумал я, направляясь следом за нео. Впрочем, сейчас наши интересы совпадали. Я тоже хотел говорить, но еще больше слушать. Как высказался один умный человек в моем мире, то, как вы собираете, организуете и используете информацию, определяет, победите вы или проиграете. А в этом мире выжить можно было только одним способом – победить тех, кто собирается обмазать тебя слюнями и пристроить над костром. Почему-то я был уверен на сто процентов, что в ближайшем будущем таких персонажей найдется немало.

Мы уселись на бревно. При этом я отметил, что на нем практически не было шерсти, застрявшей в трещинах древесины. Значит, об него не чесались и на нем не возились другие нео. То есть я удостоился чести сидеть на королевском диване. Наверно, этим и объясняется многозначительный взгляд Рренга. Вождь явно ждал благодарности, и я не замедлил ее высказать – в любом мире и обществе слова не стоят ничего, а взамен ты можешь получить очень и очень многое. Как и огрести по полной, если скажешь не те слова.

– Благодарю за честь, великий вождь, – кивнул я, положив ладонь на разгрузку. – Я счастлив, что смог оказать небольшую услугу тебе и твоему племени, и недостоин твоих милостей.

Рренг слегка озадаченно поморгал глазками, переваривая услышанное. Потом до него дошло, и он довольно оскалил клыки.

– Ты красиво говоришь слова, хомо, – пророкотал он, слегка хлопая меня по плечу, от чего я едва не свалился с бревна. – Руги стал совсем старый. Рренг часто ходит в рейды, а Руги разучился говорить нужные слова. И когда Рренга нет, их вообще некому говорить. Рренг думает – из тебя выйдет хороший вестник мыслей вождя. Что скажешь?

Настал мой черед морщить лоб, пытаюсь понять, на какую должность меня собираются определить. Старый Руги – это небось тот лохматый дед с питательными слюнями. «Вестник мыслей вождя». Сдается мне, это что-то вроде замполита, были раньше такие специалисты в армии. Занимались промывкой мозгов военнослужащих и поддержанием оных в стерильном состоянии. Интересная перспектива. В своем цирковом детстве я всегда мечтал стать дрессировщиком. Но стал тем, кем стал, и сейчас перспектива доносить чужие воспитательные программы до кровожадных нео меня уже не прельщала.

– Твоя мудрость столь же остра и блистательна, как твой меч, великий Рренг! – произнес я, сам себе удивляясь – вот

это загнул! – Но я воин, а не оратор. И мой путь – это путь клинка.

Предводитель нео сдвинул на затылок лошадиный череп – как он только не сваливается в таком положении? На сальной гриве, слипшейся от грязи, держится, что ли?

Хозяин черепа задумчиво почесал макушку, достал из свалывшейся шерсти крупную мутировавшую вошь, задумчиво раздавил ее и принялся обсасывать пальцы. То ли дал понять, что бывает с теми, чьи интересы идут вразрез с желаниями вождя, то ли просто соображал, на что может сгодиться строптивый хомо. А может, и то и другое вместе – как известно, первое второму не мешает.

Как и положено большому начальнику, Рренг думал долго, и мне сидение на жестком почетном месте порядком осточертело. И чисто чтобы развеять скуку, я поинтересовался:

– А зачем вы убили соплеменника? Другой еды здесь нет, что ли?

Нео скривился.

– Арры – грязь под ногами Раргов. Они позор Новых Людей.

– Что так? – удивился я. По мне, если одна горилла чуть светлее другой, то от этого вторая вовсе не становится идеалом красоты и добродетели.

– Арры не уберегли своего вождя, – сплюнул себе под ноги Рренг. – Убийца проткнул Краггу затылок свинцовой стрелой и скрылся. Арры не смогли поймать убийцу, они даже не

видели его. А потом они упустили пленного хомо, который убил четверых лучших воинов Арров и скрылся. После чего Арры трусили и позорно бежали от стен Кремля. Кто они после этого?

– Грязные, никчемные, вонючие обезьяны, – с удовольствием произнес я.

Нео покачал головой.

– Зря ты не хочешь быть вестником моих мыслей, Снар, – сказал он. – Рренг сам вряд ли сказал бы лучше.

«Это точно, – подумал я. – С таким запасом мозгов во вшивой башке лучше вообще помалкивать».

А еще я подумал, что похожую башку я прострелил через заплатку между мирами, когда услышал крик Данилы. Судя по словам Рренга, после этого парню удалось выпутаться из какой-то крупной неприятности и заодно серьезно пошатнуть авторитет одной из обезьяньих кодл².

Интересно, сколько времени прошло с той поры? О чем я и спросил сидящего рядом предводителя более удачливой шайки.

– Трижды солнце сменило луну, – задумчиво произнес Рренг, бросив на меня быстрый взгляд. Неужели догадался твердолобый неандерталец? Да даже если и так. Подозрения не есть доказательство. Стрелка-то поймать не удалось, так что косись не косись, а без веских улик кушать героя нехо-

² Подробности этой истории см. в романах Дмитрия Силлова «Кремль 2222» и «Закон Меченого».

рошо даже в примитивном обществе. Очень на это надеюсь, м-да...

Даже если Рренг что-то и заподозрил, то предпочел помолчать. И подозреваю, что вовсе не мой авторитет убийцы местного маньяка был тому причиной, а кольцо «эфки», торчащее из разгрузки. Я заметил, что вождь нео пару раз прицельно скользнул по нему взглядом. Стало быть, знает не только про «пистолы». Это хорошо. Как говорил один очень умный, но плохо кончивший гангстер, убеждать оппонента лучше одновременно добрым словом, пистолетом и гранатой. Дословно не помню, но как-то так.

И еще. Данила говорил о том, что нео обложили Кремль. Получается, что после моего ухода он вернулся вместе с Настей и Фыфом и помог кремлевским снять осаду. Молодец, парень! И после этих знаменательных событий минуло всего трое суток! А у меня дома прошло почти полтора года, за которые было столько всего... Так, ладно, не будем о грустном. В общем, сиди, Снайпер, осваивайся, выкачивай из вождя инфу и попутно учись использовать вшей вместо жевательной резинки.

– Ты сказал, что твой путь – это путь клинка, – наконец сказал Рренг, не найдя больше закуски в своих патлах. – И я согласен. Воин должен воевать, а не говорить. Ты получишь все, что нужно воину. Но я вижу печаль в глазах Снара. Она мне знакома. Снар в первый раз съел любимую бабу?

– Чего? – вырвалось у меня. От неожиданности ничего

восточно-витиеватого в голову не пришло.

Рренг озадаченно уставился на меня.

– Странно ты сказал, – произнес он. – Так, будто в твоём племени не едят баб.

Я хотел было сказать, что в моем племени чаще бывает наоборот, из-за чего порой мужики не выдерживают, плюют на семейную жизнь и уходят куда подальше. Например, в другие миры. Но сказал другое:

– А... их нужно есть?

– Что еще с ними делать? – пожал плечами Рренг. – Даже лучшие из них часто становятся непослушными. И когда тебе надоест ее бить, лучше такую бабу продать или обменять. Но кто купит или поменяет на что-то хорошее сварливую бабу? Тогда приходится ее есть, а от этого иногда бывает грустно.

Вождь нео вздохнул. Добрейшей души гамадрил. Наверно, ел свою первую любовь и плакал.

– Я понимаю, – продолжил он, глядя на темное небо, нависшее над развалинами. – После этого не хочется говорить. Но если съел одну, надо быстро найти другую.

И вдруг взревел дурным голосом:

– Ррррут, иди сюда!

От такого рева все нео, которые были на площади, присели. Кроме воинов, разумеется, и глухого деда. Тот продолжал колдовать над жарким. Тело на вертеле наконец перестало дергаться за счет постлетальных нервных импульсов

и изрядно нагрелось. Дед плевался в костер, обжигал пальцы, но свою слюнную деятельность не прекращал. Как будто нельзя было просто обплевать жарящийся труп. Хотя что я понимаю в местной кулинарии, темнота.

Как выяснилось, в женской красоте я тоже ничего не понимаю.

Слегка дрожа от страха, к бревну приблизилась лохматенькая нео с большими, испуганными глазами. Сама росточка небольшого, но с выдающимися формами. Шерстка гладкая и даже не особо грязная.

Да уж... Будь я несколько менее цивилизован, отмыть бы мутанта-тинейджерку, побрить с головы до ног, в газетке два отверстия прорезать – уж больно глазищи большие, грех такое прикрывать – и вполне, вполне...

Но был я, увы, дитя своего времени. К сексуальным извращениям – и к зоофилии в том числе – испытывал отвращение, к тому же газет здесь уже лет двести как не водилось. Потому я лишь покачал головой.

– Благодарю за милость, великий вождь. Рут, конечно, красавица, но...

– Но Снар предпочитает женщин хомо, – криво ухмыльнулся Рренг, сверкнув клыками. И шикнул на девчонку: – Пшла вон!

Ту словно ветром сдуло, только короткий рудиментарный хвостик мелькнул да сверкнули розовые голые пятки.

– Может, Снару и жаркое наше не по нутру?

Я почувствовал, как над моей головой сгущаются тучи. Мой авторитет улетучивался, словно дым от костра, в который наплевал старый Руги. Но увы, я также не принадлежал к числу гурманов, любящих наворачивать ложками мозги живых мартышек, смаковать лягушачьи лапки и тестировать свежесть устриц уколом ножа перед тем, как их проглотить. Представив, как я обгрызаю лапу нео, щедро сдобренную содержимым защечных мешков плешивого деда, я чуть не блеванул остатками завтрака, съеденного еще в другом мире.

– Не сочти за неуважение, великий вождь, но Снар просто не голоден, – попытался я отмазаться от угощения. На что Рренг вполне по-человечески соорил выражение лица «было б предложено, нам больше достанется».

Ну и отлично. Я перевел было дух. Но оказалось, что радовался я несколько преждевременно.

– Снару не нравятся наши бабы и наша еда, – подытожил вождь нео, сдвигая обратно на надбровные дуги лошадиный череп. – Но Рренг знает место, где много пищи, которые едят хомо, и немало их худых гладкокожих самок.

При этом он соорил очередную кислую мину, мол, как такое может нравиться?

– Кремль? – вырвалось у меня. Интересно, неужто эта обезьяна решила, что я полезу голый грудью на красные стены истреблять соплеменников? И при этом справлюсь в одиночку там, где обломал клыки целый клан его породы?

Рренг покачал башкой, отчего зубастый костяной шлем

съехал ему на ухо. Вождь нео с достоинством поправил украшение и изрек:

– Тут рядом есть другая крепость. Меньше Кремля.

– И что, тоже проблемы? – сочувственно поинтересовался я.

Вождь нео зыркнул на меня подозрительно, но на моем лице было написано лишь участие. Во всяком случае я очень старался.

– Эта крепость много лет была в руках моего клана, – глухо произнес он. – Но позавчера в нее подло пробрались трое – хомо, шам и кио. Шам навел морок на охрану, а хомо с кио проскользнули в ворота.

«Очень интересно», – пронеслось у меня в голове. Я как-то сразу догадался, что за странная троица доставила неприятности вождю клана Раргов. И еле сдержал улыбку.

– Они вырезали твоих соплеменников, которые были внутри крепости? – поинтересовался я.

– Они их связали. А потом выбросили за ворота и объявили крепость собственностью Кремля. Еще одно пятно позора на племени Новых Людей. Лучше бы они их убили...

Хммм... Понятно теперь, почему сырые шкуры, сваленные возле костров, были той же масти, что шерсть самого Рренга. Нерадивые соплеменники пошли на жаркое. Хотя вряд ли от них что-то зависело – Фыф, похоже, заматерел за прошедшие два месяца и сумел усыпить лохматую охрану. Дальнейшее для не обиженных физической силой Данилы с

Настей было делом техники.

– А Рренг со своими воинами были на охоте?

Вождь нео засопел и насупился. Понятно. Шлялся где-то со своей шайкой, уверенный в собственной крутости, и забил на охрану лагеря. Ладно, это его трудности. Теперь вопрос – что это за крепость такая и чего он, собственно, хочет от меня?

Вопрос я озвучил. На что получил ответ:

– Крепость там.

Когтистый палец указал на северо-восток. После чего Рренг добавил:

– Ты великий воин, и ты помог клану Раргов. Снар поможет вернуть крепость, и Рренг простит ему все обиды.

«Ишь ты, обиды простит? Ах ты, мартышка зубастая!»

– И наградит, – добавила «мартышка», доставая из кармашка на поясе что-то, ярко сверкнувшее под скудным лучиком солнца, чудом пробившегося сквозь свинцовые тучи.

В лапе Рренга лежало золотое кольцо искусной работы. Желтым металлом меня не удивишь. В моем мире, если знать, где его брать, стоит оно недорого. Но вот бриллиант, вделанный в оправу, меня заинтересовал.

– Можно?

Вождь нео протянул мне кольцо.

Я взял украшение. Ничего себе камешек, с виду каратов на десять потянет. Хотя это ни о чем не говорит. Посмотрим на него поближе... Так, на первый взгляд вроде не стек-

ло, грани не изношены. И мусора внутри не видать. Эх, лупу бы... Я подышал на камень. Нет, не мутнеет. Тоже, кстати, не показатель, камешек запросто может оказаться искусственным.

– Это настоящий камень, хомо, – хмыкнул Рренг. – Задачок. Я отсыплю Снару таких полную горсть, если он поможет мне взять крепость. И даже покажу место на севере, где можно взять еще.

– А каким образом Снар может помочь вождю взять укрепление, которое оказалось не по зубам его доблестным воинам? – поинтересовался я чисто на всякий случай. Понятное дело, что отстреливать из ВСК-94 Данилу со товарищи я не собирался.

Рренг открыл пасть, чтобы что-то ответить, но тут со стороны трамвайного гаража раздался негодующий рев. Это еще что за новости? Дед сослепу кому плевром в глаз попал или шерсть наиболее нетерпеливого гурмана огнем костра подпалило?

Похоже, не то и не другое. Вряд ли по столь незначительному поводу к месту нашей мирной беседы ни с того ни с сего ломанется лохматая толпа, забив на практически готовое жаркое.

Впереди толпы вышагивал здоровенный нео, плечами и ростом не уступавший Рренгу. Разве что с виду несколько менее потасканный, стало быть, помоложе вождя. Морда злющая, челюсть выдвинута вперед, клыки, слюни вспенен-

ные. Бунт на корабле? Революция? Свержение существующей власти с переодеванием лошадиного черепа на другую обезьянью башку?

Я ошибался.

– Хомо отверг мою сестру! – без предисловий прорычал борец за права прекрасной половины обезьяньего рода. – Теперь Рут никто не позовет к своему костру и не назовет матерью своих детей! После такого ее остается только продать или съесть! Или смыть позор кровью хомо!

Понятненько...

Я окинул оценивающим взглядом торс нео и его манеру держаться. Потом посмотрел на лохматенькую девчушку, прячущуюся за спину брата, на фоне чего вспомнился анекдот про зоофила, горюющего об оставшейся на острове любимой горилле. «И не позвонит, и не напишет...» М-да... Возможно, стоило хоть для вида согласиться на знакомство с глазастой Рут. Но себя не переделать, да к тому же и поздно. Судя по сочувственному взгляду Рренга, против законов племени правящая верхушка бессильна и впрягаться за героя не собирается.

Я лениво потянулся, почесал разгрузку возле торчащего кольца гранаты и чисто на всякий случай поинтересовался:

– И как у вас тут смывают кровью позор?

– Спор воинов решает поединок, – с пафосом произнес Рренг.

– А правила того поединка? – осторожно осведомился я.

– Можно всё, – коротко рыкнул вождь.

«Можно всё» – это хорошо. Помнится, пару раз участвовал я в рукопашных боях один на один по подобным правилам. Признаться, болезненное занятие, но если подойти к нему с умом, то шансы есть. Даже против большой полуразумной обезьяны, тренированной на убийство. Все лучше, чем дергать колечко «эфки», изображая из себя камикадзе.

В лапах нео была красноречиво зажата дубина, утыканная ржавыми от крови обрезками арматуры. Может, удастся прострелить ему башку из моей навороченной снайперской винтовки, пока он не размазал меня по земле своим бревном?

– Только воины спорят без оружия, – добавил Рренг.

Вот падла волосатая! Не иначе только что придумал новый закон! Понял небось, что с крепостью я ему не помощник, и решил использовать ситуацию в своих интересах. Не иначе разгрузка моя ему понравилась вкупе с остальной снарягой. Мартышка с гранатой, блин...

Но, рефлексируй не рефлексируй, а ситуация была не в мою пользу. Если разом прыгнут, никуда я не денусь. Размажут по почетному деревянному дивану на раз-два-три.

Ладно, предки-потомки, хрен вас разберет, кто вы на самом деле, но я точно знаю средство от налитых кровью глаз неандертальцев-переростков с дубинами.

Усики «эфки» я свел заранее, так что, прежде чем нео опомнился, в одной руке у меня было колечко, а в другой – граната с плотно прижатой пальцами спусковой скобой.

Брат Рут дышал часто, пена с его морды падала на землю, словно внутри у него работал небольшой активированный огнетушитель. Но дернуться он не посмел. Вся лохматая банда напряженно смотрела на мою руку, сжимавшую ребристое зеленое яйцо, и потихоньку пятилась назад. Рефлекс верный. Но в случае если «эфка» рванет – бесполезный. Всю площадь осколками перечеркнет. На всех нео, конечно, чугунной «рубашки» не хватит, но многим не поздоровится.

Лишь один Рренг смотрел не на гранату, а мне в глаза. И не двигался. Молодец обезьян, я его за это даже уважал слегка – но без фанатизма. Уважение часто штука одно-сторонняя, нисколько не мешающая уважаемому персонажу при случае сожрать уважающего.

– Значит, так, – сказал я, неторопливо снимая разгрузку – дело жутко неудобное, когда у тебя в руке зажат оборонительный киндер-сюрприз. – Рарги – великие воины, оваянные славой побед. Но при этом в любой семье не без урода. Поэтому Снару приходится страховаться, чтоб во время битвы его имущество не упёрли.

С этими словами я положил разгрузку на землю и прижал ее сверху сумкой с разобранным ВСК-94. Пояс с «Фортом» в кобуре и «Бритвой» в ножнах положил сверху. После чего быстрым движением засунул под разгрузку гранату, аккуратно прижал рычаг тяжелой снарягой и медленно вытащил руку. В свое время таким незамысловатым образом мы минировали трупы врагов. Сдвинул противник своего погиб-

шего товарища по оружию – и тут же лег рядом, начиненный осколками словно булка изюмом. Теперь же того, кто решит стянуть моё добро не зная, как именно я разместил гранату, ждет та же участь. А еще я могу просто пнуть всю эту конструкцию, если меня решат прищучить, набросившись всей кучей на одного.

Не решили.

Брат Рут посмотрел на меня оценивающе, отбросил в сторону дубину – и оскалился, продемонстрировав зубищи без малейших признаков ущерба. Щелкунчик, блин. Ходячая реклама зубной пасты и мечта таксидермиста в одном флаконе.

Шутки шутками, а противник мне достался более чем серьезный. Помимо зубов имелись у родственника пугливой нео неслабые когти и гипертрофированная мускулатура на зависть звездам бодибилдинга. И повыше меня он был на голову. Задача, однако. Но всегда лучше решать сложные задачи, чем отпускать скобу гранаты, отважно глядя в оскаленные морды врагов.

Я отошел от своего снаряжения на несколько шагов, чтобы ненароком об него не споткнуться, и вокруг меня с моим визави моментально образовалось серое мохнатое кольцо. Отдельные особи демонстративно рассматривали свои когти, нехорошо щерясь. Понятно, в случае чего на «канаты» лучше не бросаться – порвут болельщики.

Но сейчас зубасто-когтистые «канаты» интересовали ме-

ня лишь во вторую очередь. Им, как и любой другой человекообразной толпе, хочется не только жратвы, но и зрелищ. Значит, пока что толпой рвать не будут. Главное, чтоб никакой лохматый придурок на разгрузку не наступил, а с остальным разберемся.

Хотелось бы верить, что разберемся...

Мой противник рисовался перед толпой словно качок на подиуме. Напряг ноги, расставил в стороны лапищи, поиграл мускулами. Потом долбанул себя в грудак кулачищами пару раз. Получилось гулко и впечатляюще. Думаю, окажись между его грудными мышцами и кулаками моя голова, раскатало бы ее в блин легко и непринужденно.

Наконец обезьяну надоело выпендриваться, и он, вновь расставив лапы, неторопливо пошел вперед, отжимая меня к «канатам». Понятно, понты превыше всего. Я б на его месте просто прыгнул вперед и парой ударов сверху вниз быстро завершил это дешевое представление.

Но, видать, у обезьяны был свой интерес. По неприязненному взгляду Рренга даже догадываюсь какой. Братец лохматенькой Рут сейчас работал на толпу не хуже кандидата в мэры города – правда, на свой манер...

Ладно, сейчас мы немножко подпортим тебе рейтинг среди электората. Во всяком случае, очень постараемся.

Понятное дело, долбить нео по суставам и болевым точкам на теле дело непродуктивное. Лохматые они больно и мускулистые весьма. И болевой порог наверняка понижен

как у любых плотоядных, не изнеженных цивилизацией. Но у каждого теплокровного существа есть уязвимые зоны, которые не защитит ни шерстью, ни мышцами, ни столетиями эволюции. Правда, до них надо еще добраться...

Обмануть бывалого воина сложно. Но можно, особенно если он слишком уверен в своем превосходстве. А если не слишком, то уверенности этой следует ему добавить.

Я растерянно заметался по маленькой арене. Поскользнулся, упал на одно колено, матернулся срывающимся голосом.

Первобытная толпа взывала в восторге. Презрительно рыкнул мой противник – мол, не поединок, а черт-те что. Знал бы, просто придушил и не городил эдакий огород. И еще раз повел плечами, окинув при этом взором пылающим восторженными морды будущих подданных – вот, мол, я, смотрите, от одного вида моего у людишек дрожь в коленях...

Это он, конечно, зря сделал. Хотя чего-то подобного я и ждал.

Резко оттолкнувшись обеими ногами, я бросился вперед, прямо в страшные объятия полузверя-получеловека.

Надо отдать ему должное, среагировал он почти мгновенно, захлопнув на моих ребрах железный капкан, упакованный в грязную шкуру.

Но «почти» – это все-таки не «мгновенно».

За четверть секунды до того, как лапы нео сомкнулись на моем торсе, я успел от всей души садануть коленом под его

набедренную повязку и, когда противник инстинктивно подался вперед, выбросил навстречу ему правую руку, согнутую под прямым углом...

Мало кто умеет правильно наносить этот удар. Его мне как-то показал мой друг по прозвищу Японец, при этом на мне были надеты бронежилет шестого класса защиты и ватная телогрейка. Меня унесло назад метра на три. Лететь бы мне и дальше, но за спиной стенка была. Секрет в том, что наносится этот удар не рукой, а весом всего тела. Если придется в незащищенную грудь человека, то либо мечевидный отросток, либо ребра ломаются как спички...

Нео я ударил в горло.

Человек после такого без медицинской помощи умирает в течение минуты – фрагменты разбитой трахеи перекрывают поступление воздуха в легкие. Но толстые мышцы шеи мутанта смягчили удар, потому он лишь выпучил глаза и захрипел, с усилием всасывая воздух через помятое горло. При этом он все-таки попытался сжать меня в смертельных объятиях. Завидное упорство – с отбитыми яйцами и травмированной дыхалкой думать о победе. Ну извини, обезьян, собственная жизнь мне дороже твоей карьеры.

Я схватил его за шерсть на челюсти и со всей дури дернул вниз. И как только башка мутанта опустилась вровень с моей, с усилием вдавил большой палец в точку между глазным яблоком и широкой переносицей.

Черт, больно то как! Похоже, краем слезной кости мне со-

рвало ноготь! Понятное дело, она поди как минимум вдвое толще, чем у самого что ни на есть здорового хомо сапиенса. Правда, мутанту было в разы больнее, нежели мне.

Он совсем по-человечески охнул, разжал лапы и с размаху шлепнулся на пятую точку. Думаю, больше от неожиданности – как человек, загнавший крысу в угол и вдруг осознавший, что тварь, оскалив зубы, летит в прыжке прямо ему в лицо.

Я не стал ждать, пока мой противник очухается, и со всей дури двинул ему берцем в нос, точку крайне чувствительную и болезненную.

Нео закатил неповрежденный глаз и завалился на спину. Всё. Чистая победа и даже почти без потерь. Ноготь только надо простерилизовать и пластырем зафиксировать, глядишь, и не сойдет.

– Нечестно! – взревел чей-то возмущенный голос. И следом несколько десятков луженых глоток подхватили:

– Нельзя так бить!! Нечестно!!! На вертел хомо!!!!

Последнее мне совсем не понравилось. Черт, и до разгрузки не добраться. Лохматое кольцо угрожающе сжималось, и оружие осталось за спинами мутантов.

Ладно. Я слегка присел, сгибая напряженные пальцы рук в положение «лапа леопарда». Суки вшивые, нечестно? Ладно, мля, еще пару глазенок я точно выковыряю, прежде чем окажусь в ваших желудках. Вот этот желтозубый точно подойдет. По-моему, он первый и заорал. Ну, шас...

– Стоять!!! – раздался громовой рык за спинами нео, и толпа замерла как вкопанная. А после распалась на два полукольца, словно разомкнутый браслет наручников.

В просвете стоял Рренг. Грудь навывахе, бугры мышц под шкурой катаются, морда надменно задрана вверх – и как только череп на макушке держится?

– Рренг сказал «можно все», – пророкотал вождь. – Слово Рренга закон. Кто-то против?

– Раньше был другой закон, – попытался возразить желтозубый. – Между ног бить нельзя, в глаза...

Бамс!

Бросок Рренга вперед и удар слились в одно движение.

Похоже, вождю нео понравился мой метод нокаута. Желтозубый, поймав в нос классический прямой, рухнул наземь и по инерции проехался пару метров на спине. Да, таким кулачищем в морду все равно что кувалдой. Это не мой боковой каблуком берца – вон братец Рут уже поднимается с асфальта, униженный и оскорбленный. Судя по взглядам сородичей, ему теперь долго отмываться от позора – как же, хомо его завалил! Небось по аналогии то же самое, что заяц охотника уделал.

– Слово Рренга закон, – продублировал вводную вождь, красноречиво разминая кулачище. – Кто еще против?

Больше кандидатов на нокаут не нашлось. Мило. Значит, теперь обезьянам можно лупцевать друг дружку ногами по колоколам и выковыривать глаза. Хорошие навыки для ру-

копашного боя, нужные. Глядишь, еще немного – и нео совсем отбросят условности, а там и до царя природы недалеко. Ведь наверняка в истории человечества эра прогресса тоже началась с пересмотра взглядов на удар по яйцам...

Я немного расслабился. Интересно, с чего это вождь за меня впрягся? Ну устранил я конкурента на престол, так на фига...

– Снар хороший воин. Снар поможет Раргам взять крепость?

Молодец Рренг! Умеет вовремя задавать прямые вопросы. Мол, я тебе помог, теперь ты мне помоги. Но ты одного не учел, человекообразный. Мне, конечно, доводилось стрелять в людей, в некотором роде это моя профессия. Но я не стреляю в тех, с кем ел и пил за одним костром. Во всяком случае, до тех пор, пока они не начнут стрелять в меня.

Я покачал головой, одновременно прикидывая, сумею ли я в прыжке достать до разгрузки. Шанс копеечный, что граната в руке их остановит, но, прежде чем ставить на себе крест, лучше использовать все возможности.

– Рренг так и думал, – потрянул лошадиной черепушкой вождь. – Рренг тоже не стал бы воевать против своего народа. Снар может идти куда хочет.

Признаться, я был сильно удивлен. Чего не ожидал – того не ожидал. Скажите пожалуйста, мохнатым каннибалам не чуждо благородство! Ладно, учтем на будущее, когда будем делать оргвыводы по поводу воспитания местных чело-

векообразных. В общем, получается, неплохие они ребята. Вон братец Рут вытер с морды невольно выступившие слезы, проморгался и уже о чем-то беседует с сестрой. Завидую, честно. Человек бы после такого удара точно остался без глаза. А этому – хоть бы хны. Веко помассировал кулачищем – и нормалек. И про хомо зловредного уже забыл, ибо дела семейные превыше всего.

Остальные нео тоже потеряли ко мне интерес и разбрелись по своим делам. Я же беспрепятственно подошел к куче снаряжения и крайне осторожно извлек из-под нее «эфку». Теперь предстояло еще более веселое занятие – вставка чеки обратно в запал. Проще, конечно, бросить гранату подальше из-за какого-нибудь укрытия, так как частенько такие эксперименты заканчиваются взрывом прямо в руках. Но разбрасываться дефицитом не хотелось, потому пришлось пару минут повозиться под настороженными взглядами нео. Занятие не из приятных. Если выдергивание кольца зубами чревато потерей зубов, то, возвращая его на прежнее место, воин рискует тем, что только зубы от него и останутся.

Но – обошлось.

Я лучезарно улыбнулся человекообразным, возвращая «эфку» в подсумок. После чего сноровисто собрал ВСК-94 на случай, если Рренг передумает. Удобная штука: пять деталей, включая прицел и магазин, минута времени – и у тебя в руках отличное оружие, фактически автомат 9А-91, приспособленный для снайперской стрельбы, но при этом не по-

терявший изначальных качеств. Глядишь, тяжелыми пулями патронов СП-6 черепа мутантов будут колотиться лучше, чем «люгеровскими» автомата ПП-90М1, почившего в пасти покойного Парга.

К подъезду, ведущему наружу с территории трамвайного парка, я подошел беспрепятственно, спиной ощущая недоброжелательные взгляды человекообразных. Но топота лап за спиной не было, никто за мной не гнался. Ладно, возьмем за рабочую версию, что в этом мире существуют справедливость, великодушие, верность слову и тому подобные анахронизмы. И если версия подтвердится, не такой уж плохой выбор я сделал, свалив сюда из сопредельного пространства...

Мои размышления прервал характерный звук сзади. Тот самый, который я ожидал услышать. Я резко развернулся, скидывая ВСК... и увидел не совсем то, что предполагал увидеть.

Ко мне, округлив глаза, бежала Рут. Та самая маленькая нео, за которую вступился ее братец, вызвав меня на поединок. А за ее плечами мускулистый родственничек неторопливо поднимал лук со стрелой, наложенной на тетиву. Интересно, кому лохматый решил послать в спину пернатый подарочек – мне или собственной сестре?

Однако выяснять этот вопрос ценой собственной шкуры не хотелось, и я, почти не целясь, выстрелил. Не особо мудреное дело из такого оружия попасть с пятидесяти метров

туда, куда хочется. Ну я и попал.

Верхушку лука словно мечом снесло. Рога оружия, древнего, как само человечество, резко разогнулись. Стрела осталась в пальцах нео, а порванная тетива резко хлестнула прямо по глазнице, в которой пятнадцать минут назад побывал мой палец.

Мутант взревел дурниной, отбросил изуродованный лук, резко нагнулся, схватил дубину, лежавшую у его ног... и замер, остановленный грозным ревом вожака.

– Ррау! Я пррриказал отпустить Снарра!

Понятно. Братца Рут зовут Ррау. У них что, все имена на «р» начинаются? Племенная особенность?

Ррау медленно опустил дубину и, повернув голову, посмотрел на Рренга. Один глаз после удара тетивы у него закрылся, перечеркнутый красной, мгновенно вспухшей линией, а во втором явно застыло недоумение. Может, у них принято стрелять родне в спину, а вождь опять попер против обычаев?

Оказалось, что нет.

– Они убьют Рут, – пролепетала лохматенькая. – И съедят. Или продадут Аррам. Но Арры тоже съедят Рут. Рут не хочет умирать.

За моей спиной пряталось беспомощное существо из другого мира... черт, теперь уже не из другого, но важно не это. Важно, что существу требовалась помощь. А когда соплеменники собираются сожрать слабого и беззащитного соро-

дича ни за что ни про что – это неправильно.

Свободной рукой я задвинул дрожащую Рут в подъезд, держа в правой ВСК-94 и готовый открыть огонь по первой же твари, которая дернется в мою сторону. После чего выдернул из кобуры «Форт» и направил его в сторону выхода на улицу.

Круто, наверно, это дело смотрелось со стороны, прям хоть кино снимай. Но иначе никак – возле выхода, помнится, тусовались два косматых хлопца, наверняка мечтающих о подвигах во имя клана. А я таких энтузиастов очень недолюбляю. Мозгов у них немного, и зачастую приходится из них и эту малость выбивать прицельными выстрелами в переносицу, прежде чем они раскроют мою драгоценную черепушку.

Но больше в толпе нео героев не нашлось. И подростки снаружи оказались мудрее, чем я предполагал. Хмуро посмотрели исподлобья, когда я вышел наружу, но дубины держали правильно, уперев их шипастыми наверхиями в осколки асфальта, слежавшиеся от времени в сплошную массу.

Убедившись, что парни попались понятливые, я вывел из подъезда Рут. Охрана если и удивилась этому факту, то виду не подавала. Надо же, какие сообразительные! Прям не отроки, а вундеркинды. Или ВСК-94 видели не только на наскальных рисунках, но и в реальности...

Оставалось понять, о какой крепости толковал Рренг, и где она находится. О чем я и спросил юную нео. Но та толь-

ко смотрела на меня расширенными от ужаса глазами и тряслась, словно под током. Понятное дело, стресс на стрессе. Сперва пришелец-инопланетянин в жены не взял, потом брату морду подрихтовал, и в заключение родня чуть в костер не определила. По щекам хлопать женский пол для приведения в чувство я не умею, за что, кстати, и поплатился в недавнем прошлом – может, и следовало бы научиться... Ладно, поезд ушел – а проблемы все те же.

В общем, протасив за собой первобытную девчонку до ближайших развалин, я свернул за остатки бетонной стены, отстегнул от пояса флягу, отвернул крышку и протянул Рут лекарство от большинства душевных болезней.

– Пей.

Девчонка жеманиться не стала, взяла лапками предложенное и глотнула. Зажмурилась. По шерстке под глазами потекли крупные слезы. Всхлипнула – и глотнула снова. Понравилось, что ли?

Не похоже. Закашлялась, слезы пуще прежнего, но штатную емкость со спиртом не отдает. Ничего не понимаю. Неужели у них...

– Стоп, – скомандовал я. – Достаточно.

Рут с явным облегчением протянула флягу. Подумать только, вот это воспитание! Мужик сказал пей – пьет и без команды не прекращает. Да, если б не лохматость и не мордочка, больше все-таки похожая на обезьянью, чем на человеческую, была б не девушка, а мечта поэта.

Ладно, пошутили мысленно – и хватит. Теперь надо определиться как дальше жить и куда путь держать. Если Рренг не наврал, где-то неподалеку в какой-то крепости окопались мои давние знакомые. Надо б для начала к ним в гости наведаться, разузнать, что интересного в постыжерной Москве произошло за время моего отсутствия.

Девчонку вроде трясти перестало. Глазки под мохнатыми бровками из испуганно-потерянных начали понемногу превращаться в оловянные-бессмысленные. Я оказался прав – огненная вода, жидкое счастье и беда отсталых народов, действовала безотказно во всех мирах. И этот не исключение. Значит, можно вести переговоры.

– Крепость где?

– А?

Блин, надо было раньше флягу отобрать...

– Рут, где крепость, которую Рренг собирается захватить?

– А, к-крепость...

Девчонка усилием воли сфокусировала взгляд и ткнула пальцем в конец улицы.

– Т-там.

Потом обернулась – и добавила, показывая в противоположную сторону:

– Или там...

Замечательно. Как говорил классик, мы всегда в ответе за тех, кого напоили. И, если действие спирта окажется сильнее первобытных установок слушаться мужика как Господа Бо-

га, придется мне тащить зверюшку на себе. А не хотелось бы – весу в ней килограммов семьдесят, не меньше.

– У крепости название есть?

– Название? Есть...

Твою мать...

– Какое?

– Бутыл... рка.

Я вытащил из внутреннего кармана наладонник и быстро вызвал карту. Ее мне перед Переходом загрузил в КПК мой спаситель, друг и учитель, уже много лет живущий на острове среди бескрайних украинских болот. «Бутылрка» – это, скорее всего, Бутырская тюрьма.

Вот оно, карта-копия запроса через спутниковую программу начала двадцать первого века. Поиск «Бутырская тюрьма»...

Ого! Судя по виду сверху, реально не тюрьма, а крепость. И если верить краткой сноске, это целый тюремный замок, построенный еще при Екатерине Второй. Имеет четыре трехэтажные зубчатые башни, усиленные контрфорсами: «Пугачевская», в которой содержался зачинщик одноименного бунта, «Полицейская», «Северная» и «Часовая». Наружные стены также в три этажа, а внутри считай еще одна крепость – тюремные корпуса, расположенные четырехугольником.

Понятно. Если замок в восемнадцатом веке строили, то кирпича наверняка не жалели. Стены небось никакая пушка

не возьмет. Ладно, это все лирика. Надо добраться до нее сначала, а потом по ходу дела разберемся что к чему.

Определив по наладоннику и компасу направление, я взял за лапу осоловевшую Рут и пошел по улице... если, конечно, эту тропу между руинами можно было так назвать.

По пути я вновь не переставал удивляться тому, во что может превратиться большой и процветающий город за двести лет запустения.

Сквозь остатки зданий проросли гигантские мутировавшие сорняки, наверняка задавившие деревья в процессе бурной эволюции, – ни одного нормального дерева я, что в прошлое путешествие сюда, что сейчас, так и не увидел. Более-менее сохранились лишь дома старой постройки с толщиной стен в три кирпича, остальные осыпались словно карточные домики, и лишь кучи бетона, полузасыпанного землей и песком, напоминали о том, что здесь когда-то стояло здание. Хотя и многие старые здания вросли в раскрошенный от времени асфальт по подоконники нижних этажей, а некоторые и вовсе наполовину провалились в разломы – похоже, под улицей проходило метро или еще какая-то большая полость имелаась.

Один такой разлом шириной метра в два зигзагом пересекал улицу. Я отпустил лапку нео, подошел к краю и посмотрел вниз.

Ни черта не видно. Темно как у дяди Тома в хижине.

Я с сомнением посмотрел на Рут. Я то и с рюкзаком пере-

прыгну, а она как?

Пьяненькая нео слегка покачивалась, но на ногах стояла уверенно. В ее глазах плескался ужас.

– Снар решил продать Рут багам?

Я припомнил, что Данила называл багами руконогов, шестиногих мутантов, смахивающих на человекообразных тараканов.

– Еще не хватало, – проворчал я. И что у местных лохматых девчонок за мании? Сдается мне, что их тут родственнички так и норовят кому-то сбегрить. Хmmm, может, они не так уж и неправы? – Через разлом перепрыгнешь?

Рут отрицательно замотала головой.

– Нет. Нельзя. Там...

Понятно. В пропасти сидит кто-то голодный и ждет такого как я прыгуна. И обойти вряд ли получится, длинный разлом, однако. Черный зигзаг уходит в развалины, и бес его знает, сколько придется ломать ноги в руинах, прежде чем найдется обходной путь. Жалко, конечно, дефицитный боезапас, но ничего не поделаешь.

Я снял с разгрузки две «эфки».

– Короче, я сейчас бросаю туда ээээ... огненные яйца. Они взрываются, мы сразу прыгаем. Вопросы?

Нео похлопала глазищами и кивнула. Будем надеяться, что дошло.

Первая граната полетела вниз. Вторая...

Над пропастью взметнулось щупальце, длинное и гибкое,

словно гигантский хлыст. На конце его имелась здоровенная присоска, напоминающая вантуз. А в этом вантузе...

– Ложись!!! – заорал я, бросаясь на землю.

Поскольку скобы «эфок» отлетели одновременно, два взрыва слились в один. Или же я просто не услышал второго, раздавшегося глубоко под землей. Над моей головой просвистели осколки, что-то сильно дернуло рюкзак на спине...

Я подхватил с земли свой ВСК и рывком поднялся на ноги, готовый стрелять во все, что движется...

Стрелять не потребовалось.

Оторванное щупальце валялось в пяти метрах от меня, неистово сокращаясь. «Вантуза» не было, на его месте молталась кровавая мочалка. Видимо, вторая граната оторвала щупальце от основания, и мне очень не хотелось думать о том, кто сейчас под землей оценивает причиненный ущерб и готовится к ответным мерам.

– Быстрее!!!

Дважды повторять не пришлось. Нео еще быстрее меня перемахнула через разлом и рванула вдоль улицы на четырех лапах. Я – за ней, и очень оперативно. Потому что сзади меня весьма впечатляюще трещало, грохотало и ухало, словно кто-то очень большой и злой лез из-под земли. Может, ему еще одно «огненное яйцо» подкинуть, чтобы он не слишком торопился?

Я обернулся на бегу – и передумал.

Разлом увеличился втрое, и над ним колыхались несколь-

ко десятков щупалец, вытянувшихся вверх на всю десяти-метровую длину. А у их основания на тонкой ножке, словно причудливый цветок, покачивался большой желтый глаз.

Я остановился... Повернулся... И медленно пошел к нему...

Странно, как я вообще мог убегать от такого чуда? Что может быть прекрасней этого обволакивающего взгляда, от которого по всему телу разливаются волны нереального наслаждения? Голова слегка кружилась, словно после бутылки очень старого и дорогого коньяка, окружающие меня руины разрушенного города покачивались в полупрозрачной дымке, но они больше не казались мне серыми и унылыми. Пейзаж был сказочно-таинственным, небо оказалось не тяжелым и хмурым, а загадочным, бесконечным...

Шмяк!

Желтый глаз дернулся. Понятное дело. Даже если орган зрения размером с таз, неприятно, когда прямо в зрачок влетает обломок кирпича.

Очарование окружающей действительности смялось на мгновение, словно легкая рябь по воде прошла, – и тут же все вернулось на место.

Но этого мгновения мне было достаточно.

Очередь из огнестрельного оружия всегда эффективней кирпича. Пули с чавканьем пробили роговицу, и из глаза наружу хлынуло гнойно-белесое содержимое, заливая ближайшие щупальца.

Пронзительный вой резанул по ушам, грозя порвать барабанные перепонки. Несколько щупалец рванулись ко мне, не достали буквально полметра – и повторять попытку не стали, а присоединились к остальным.

Это было жуткое, но завораживающее зрелище. Потусторонняя тварь из кошмарного сна лечила самое себя. Черные раструбы щупалец заслонили поврежденный глаз, и из них на разорванный пулями орган толчками выплескивалась желтоватая жидкость.

– Снар!

Слабый писк за спиной окончательно вернул меня в реальность. Голова была все еще тяжелой от наведенного гипноза, перед глазами мельтешили черные мухи. Но я был вполне в состоянии бежать рядом с Рут и не спотыкаться о куски бетона и арматуры, торчащие из прессованного мусора, который когда-то был улицей.

Отбежав на безопасное расстояние, я заметил несколько ступенек – сохранившийся фрагмент лестничного пролета – и присел на нижнюю. Отвинтил крышку фляги, глотнул, встряхнулся, словно вылезший из болота кот, и отправил емкость с лекарством обратно в брезентовый чехол на поясе. И, посмотрев на Рут, спохватился.

Ту снова потрясывало.

Я потянулся к фляге.

– Будешь?

Нео мотнула головой. Ну и правильно, нечего местных ти-

нейджеров спаивать.

– Что это было?

– Баг, – коротко ответила Рут. И тут же пояснила: – Вожак.

Я припомнил здоровенную самку-паука, которую мы уде-
ляли втроем с Данилой и Настей по пути к складам Канте-
мировской дивизии. Значит, у руконогов еще и альфа-самец
имеется. Хорошо, что этот альфа из-под асфальта полностью
не вылез, а то б случилась нам с лохматенькой полная омега.

– Спасибо, – сказал я.

Она непонимающе уставилась на меня.

– За кирпич. Метко кидаешь.

Действительно, если б не Рут, поток ментального притя-
жения твари запросто втянул бы меня под корону из щупа-
лец, как язык хамелеона затаскивает в пасть охотника слиш-
ком уверенную в себе муху.

– Брат учил, – совсем по-человечески вздохнула нео. И
добавила: – Он хороший. И добрый.

Угу. Офигительный просто. Только все же стрела добро-
го брата не мне в грудь смотрела, а левее и ниже. Я, как
любой мало-мальски опытный снайпер, очень хорошо чув-
ствую, когда в меня целятся. Так что, лохматенькая, один –
один. Тебе за кирпич спасибо, а про душку-братца я тебе
никогда ничего не скажу. Родня – это святое, даже когда она
пытается тебя замочить. Или ежедневно треплет тебе нервы,
медленно убивая твою жизнь. Кстати, если сравнивать, то
первое честнее...

Ладно, хорош себя жалеть. Мужик ты или где?

Я хлопнул себя по коленкам и поднялся со ступеньки.

– Снар ее сильно любил?

Блин, ну и глазищи у этой обезьянки. Даже с ресницами, длинными-длинными. Интересно, у них тут каждый второй телепат или у меня всё на фасаде написано крупными буквами?

– Значит, так, девушка, – веско сказал я. – Конечно, спасение жизни спутника серьезный поступок, но не аргумент для того, чтобы заниматься психоанализом его личной жизни. Которая, кстати, осталась в прошлом. Понятно?

Рут испуганно кивнула, аж два раза подряд.

– И еще. Ты теперь не дикарь, а временно второй номер снайпера. Так что будем учиться владению нормальным оружием и местоимениями. А то я как-то не привык, чтоб меня величали в третьем лице.

– Рут ничего не поняла, – вздохнула нео. – Но Рут научится.

* * *

Я шел и думал.

Как известно, одно другому не мешает. ВСК-94 привычно оттягивает руки, готовый в любую секунду выплюнуть пунтир из раскаленного свинца. Взгляд сканирует пространство, уши ловят малейший шорох, ноги сами находят оптималь-

ный участок для следующего шага. А в голове, словно клубок растревоженных змей, ворочаются мысли.

Итак, я снова здесь. Ни на острове, ни на материке, ни даже на зараженной территории моего мира, куда никакой нормальный человек никогда не сунется, места мне не нашлось. Нет, конечно, друзья были бы мне всегда рады. Но в то же время я прекрасно осознавал, что у них полно своих проблем, и никого из них не хотел обременять своими.

Проблемы же были существенными.

Дело в том, что я женился на девушке своей мечты...³ но ничего хорошего из этого не вышло. Медовый месяц кончился, и потянулись другие – пресные, обычные, серые...

Хватило нас ненадолго. Что она, что я по натуре были воинами-одиночками, и если раньше с нашего острова особенно бежать было некуда, то зараженная территория Украины ежеминутно манила нас опасностями, приключениями, риском – всем тем, чего нам так долго недоставало в мирной жизни.

Сначала мы вместе ходили в рейды. Потом все чаще поодиночке – опытному воину напарники требуются крайне редко. И однажды случилось так, что она не вернулась. Я принялся паковать рюкзак, собираясь двинуться на поиски, когда мне на наладонник пришло сообщение: «Подвернулся хороший заказ. Не знаю когда вернусь. Лучше не жди».

Ну я и не стал ждать.

³ Об этих событиях повествует роман Дмитрия Силлова «Закон наемника».

У меня на поясе висел ключ между мирами – мой нож с клинком, совсем недавно отливавшим небесной лазурью. Этим ножом я вспорол пространство между мирами и ушел туда, где уже побывал однажды. В мир постыдного апокалипсиса, выжженный Третьей мировой войной, которая прокатилась по планете двести лет назад. За это время Земля немного оправилась от радиационной заразы. Выжившие люди вылезли из ветхих костюмов высшей защиты... и облачились в музейные латы и кольчуги – довольно эффективную броню, спасающую от когтей и зубов мутантов.

Невиданные, жуткие твари расплодились за эти годы, поражая многообразием форм и безграничной ненавистью к человеку. Но если бы дело было только в мутантах...

Перед Третьей мировой войной человечество серьезно запасалось оружием, в том числе и биологическим. На подземных заводах и в секретных лабораториях Москвы лучшие российские специалисты по биоинженерии конструировали живые машины для убийства, способные к репродукции. А на другом конце Земли западные ученые создавали и совершенствовали боевых роботов, снабженных примитивными зачатками интеллекта. И те и другие создания были отлично приспособлены к выживанию в условиях повышенного радиационного фона, умели питаться практически любой органикой и – что самое главное – обладали способностью к логическому мышлению.

Правда, мышление это не было абстрактным, свойствен-

ным исключительно человеку. Иными словами, киборги, рукотворные мутанты и боевые роботы не умели изобретать и совершенствоваться. Возможно, именно поэтому горстка людей сумела уцелеть за стенами Кремля – страшные порождения военной мысли следовали лишь заложенным в них схемам. Логика этих созданий, в отличие от человеческой, была ограничена рамками заложенных в них программ по выживанию и уничтожению. А люди всегда умели находить решения, не укладывающиеся в привычные схемы... и потому помогавшие им выжить...

И мне сейчас, кстати, тоже предстояло принять какое-то вменяемое решение. Очень просто прийти на склад торговца, покидать в рюкзак самое необходимое, а потом, швырнув к ногам хозяина склада пачку евро, выдернуть «Бритву» из ножен, распороть пространство и уйти в мир иной.

Гораздо сложнее потом понять, что, собственно, делать в этом мире.

В мое первое посещение здешних мест у меня имелась четкая цель – найти единственное во вселенной лекарство для моей любимой⁴. Теперь, когда любимая поправилась и стала моей женой, я свалил обратно в этот ад, лишь бы быть от нее подальше. Интересная, наверно, петрушка, если со стороны посмотреть.

В том мире я был Легендой, типа рыцарем без страха и упрека, стрелком, не знающим промаха, и всё такое прочее.

⁴ См. роман Дмитрия Силлова «Кремль 2222. Юг».

Но если б кто-то смог заглянуть в душу той Легенде, он бы сильно удивился. Оказывается, имелась у нее одна серьезная слабость... от которой она, собственно, и дёрнула в постапокалиптическое иномирье.

Получалось, что убежал я не столько от семейной жизни, сколько от самого себя. Неуютно нормальному мужику осознать собственную слабость. Просто частенько дамы нашего сердца, почувствовав, что мужик не может жестко поставить их на место, начинают ту слабость углублять и расшатывать, отвоевывая новые позиции и пытаясь пристроить главу семейства под каблук. С некоторыми получается, а с некоторыми нет. Мужик терпит, но лишь до того момента, пока однажды чаша не переполняется...

В общем, потому я и здесь. Значит, остается что? Поставить себе цель, а после ее добиться. Например, государство себе завоевать и царем стать. Как в старом мультфильме: «Кто тут в цари последний? Никого? Так я первый!»

Я усмехнулся. Забавный получился самоанализ, пока я шел, озираясь по сторонам и неспешно водя из стороны в сторону глушителем ВСК-94. Порой сзади слышалось восторженное повизгивание. Я снабдил Рут парой метательных ножей с рукоятями, обмотанными кордовой нитью: хочешь – швыряй во врага, а хочешь – орудуй ими как обычными клинками. И теперь юная нео, позабыв былые невзгоды, была вне себя от счастья. Надо же, ей подарили самое настоящее оружие! Это тебе не кирпичами кидаться, это настоя-

щие ножи!

Н-да. Как мало некоторым существам нужно для счастья. А что мне нужно для него? Так, философствовать заканчиваем. Цель обозначена – как минимум царство, и на половину я не согласен. Но для начала хорошо бы хоть найти место, где можно переночевать без опаски проснуться над костром с вертелом в нижней чакре.

Не очень я надеялся, что Бутырский замок окажется тем самым местом для спокойного ночлега. Судя по тому, во что война и время превратили когда-то цветущую Москву, я был почти уверен, что «крепость», которую собирался штурмовать Рренг, окажется грудой развалин несмотря на заявленную в ТТХ толщину стен. На то они и замки, чтоб их штурмовали часто и увлеченно. А штурмы, осады и сопутствующие им обстрелы не способствуют сохранности древних построек. Вряд ли тюрьму строили по тем же технологиям, что и несокрушимый Кремль...

Каково же было моё удивление, когда из-за рощи корявых деревьев-мутантов показалась очень неплохо сохранившаяся трехэтажная башня, формой напоминающая пузатую шахматную ладью. Венчали башню частые зубцы, напоминающие кремлевские, – узнаваемый «ласточкин хвост» ни с чем не спутаешь. Надо же, похоже, ошибся я. Тюремный замок тоже итальянские зодчие строили, сажая кирпичи на вечный раствор с яичным желтком. Потому и целы стены до сих пор...

Наверно, во времена незапамятные вокруг тюремного замка был дополнительный кирпичный забор, к которому примыкали какие-то постройки. Теперь же от них остались лишь скромные кучки битого кирпича и насквозь проржавевшие железяки, торчащие из земли. Судя по отметинам на стенах, крепость штурмовали часто и увлеченно, и тогда в ее сторону летело всё, что попадало под руки, лапы и манипуляторы. Правда, на стенах это особенно не сказалось. Так, незначительные выбоины, обожженные участки и темные потеки, подозрительно напоминающие следы крови.

Меж зубцами башни я уловил движение и едва успел отклониться в сторону. Мимо моего уха просвистело что-то длинное, напоминающее копьё. Ладно, каков прием – таков ответ. Я вскинул свою снайперскую винтовку... но выстрелить не успел.

«Прекратить палками кидаться, – прозвучал в моей голове жесткий командный голос. И сразу же с другими интонациями: – Великий Атом! Отсохни мои глазные щупальца, если это не Снайпер!»

Этот напрочь лишенный музыкальной приятности хриплый и мерзкий голосок я узнаю из тысячи, даже если он будет жутко фонить, резонируя о внутреннюю часть моего черепа.

«Я тоже рад тебя слышать, Фыф», – подумал я, вспоминая уродливую морду мутанта. Лысый череп, морщинистый лоб с единственным глазом посередине, с нижней части пустых глазниц свисают подвижные щупальца, безгубый рот... Во

сне увидишь – «Бритвой» не отмахнешься. Но при всем при том это низкорослое существо необъяснимым образом умело быть одновременно вредным, добродушным, ироничным, добрым, эгоистичным, наивным, хитрым... верным другом. Такая вот адская комбинация в одном мутанте, повадками сильно напоминавшем моего знакомого трехголового монстра с зараженных земель Украины, торговца жратвой и пулеметами. Думаю, встретятся они в той или этой реальности, общий язык нашли бы мигом... или не нашли, размазав друг друга по стенам ментальными ударами, – с них станется.

«Я тоже рад тебя слышать, – повторил я на всякий случай мысленный посыл, вспомнив, на что способно это маленькое существо. – Кем это ты командуешь?»

«А, это кормовые, – с пренебрежительными интонациями произнес в моей голове Фыф, не сочтя нужным пояснить кто это такие. – Кстати, к твоему сведению, – за тобой по пятам тащатся два десятка нео, которых прикрывает ментальным щитом какой-то старый неуч их породы. И прямо за спиной у тебя приплясывает от счастья еще одна мартышка с ножами. Ножи новые, блестящие, значит, твои. Только поэтому я не сварил ей мозги в ее же черепушке. Спёрла, что ль, металки, а ты проворонил?»

«Не проворонил, а подарил, – подумал я. – И мозги ей варить не надо, она со мной».

«Ну ты прям Миклухо-Маклай...»

Я задумался о своем.

Подколки Фыфа меня волновали гораздо меньше, чем отряд нео позади меня. Рренг не отказался от своей идеи и использовал меня в качестве отмычки для сложного замка, который он не сумел взломать. Мои друзья открывают мне ворота – и следом врываются невидимые нео. Получается, не так уж немощен старый седой Руги, «вестник мыслей» вождя племени Раргов.

Кстати, когда вожди врут, это неправильно. Хотя кто я Рренгу? Всего лишь хомо, еда, неожиданно оказавшаяся полезной не только для желудка. И опасной, судя по косым взглядам вожака племени нео на мою разгрузку. Да в общем-то, если разобраться, он и не обещал мне неприкосновенности. «Снар может идти куда хочет» не значит, что Сна-ра нельзя догнать и разделать на отбивные. Что ж, в таком случае, лохматые, вы не оставляете мне выбора.

«Твои кормовые могут сбросить с башни две веревки и втянуть нас?»

«Веревки дефицит. Здесь все дефицит, – сварливо проворчал в моей черепушке Фыф. – Одна там точно есть, караульным жратву с внутреннего двора поднимать. А вот насчет второй...»

«Пусть сбросят одну, – подумал я. – Ворота не открывай, нео на это и рассчитывают».

«А то я не понял с какой это радости они тебя провожают», – съязвил мутант.

– Рут, по канату лазать умеешь? – негромко спросил я.

Нео презрительно фыркнула. Ну да, какая же первобытная девчонка не умеет скакать по лианам.

– Короче, сейчас сверху веревка упадет, и ты по ней мухой лезешь на башню. Поняла?

– Мухой – это как?

– Просто лезешь. Но быстро.

– Поняла.

– Вот и ладушки, вот и хорошо, – пробормотал я, спиной чуя напряженные взгляды преследователей. Может, это я себе нафантазировал, а может, и правда лохматые готовились к броску.

Рядом с башней имелась мощная стальная дверь на уровне заложённых кирпичами окон первого этажа. К двери вела невысокая бетонная лестница – пожалуй, наиболее пострадавшая деталь фасада крепости. Возле нее, полуразрушенной и практически полностью залитой застывшей смолой, валялись несколько полусгнивших трупов нео, куски кирпичной кладки, наверняка сброшенные со стены, и тяжелое бревно, грубо обтесанное и обожженное с одного конца. Лохматые несколько переоценили свои силы, решив использовать эту деревяшку в качестве тарана. Ну и полегли под стенами как озимые. Н-да, прикольное выражение одного моего знакомого деда, мастера пострелять из антикварного оружия. Как раз в тему. Главное только, сейчас не лечь рядом с ними...

Со стены, неторопливо разворачиваясь в воздухе, упала

свернутая веревка. Ничего себе у них тут жрут караульные, если им на таком канате завтраки в башню поднимают!

Всё это я додумывал уже в движении, разворачиваясь спиной к крепости и уходя с линии возможного выстрела. Краем глаза я заметил, что Рут отреагировала правильно — как только нижний конец веревки шлепнул о подножие башни, юная нео с проворством мартышки бросилась вперед. А еще я заметил, что, прежде чем она уцепилась за спасительный канат, из ее ладошек короткими молниями вылетели два моих подарка. Ничего себе! С двух рук метать дело непростое, я сам этому три месяца учился как проклятый. И не всегда, кстати, получается, чтоб оба ножа в цель воткнулись...

У нее получилось.

Постапокалиптический пейзаж вообще-то картинка довольно мирная, хотя и мрачноватая с непривычки. Тем не менее при взгляде на жалкие остатки зданий понимаешь, что самое страшное позади. Ядерной угрозы уже можно не бояться. Кончилась она пару веков назад, и теперь ты уже фактически на другой планете с абсолютно иной флорой и фауной, имеющей лишь отдаленное сходство с формами жизни твоего мира.

И вот сейчас на фоне руин, оплетенных мутировавшей флорой, прямо из воздуха, словно нечисть из болота, лезла фауна. Косматая, рычащая, ошетилившаяся копытами и дубинами.

Громче всех верещал седой Руги. Мои метательные по-

дарки не причинили вестнику мыслей фатального ущерба, но беспокойство доставили значительное. Я разглядел, что одна стальная заноза воткнулась деду в бедро, а вторая – в район причинного места, густо заросшего седой шерстью. Видать, по причине излишней волосатости дед не носил на бедренной повязки, за что и поплатился.

Второе наверняка было неприятней первого, так как Руги орал громко и омерзительно, забыв про ментальный щит и норовя с наименьшими потерями вытащить из паховой области прощальный презент от ловкой соплеменницы.

Но спутникам «вестника мыслей» было не до него. Они на максимальной скорости мчались прямо на меня, прекрасно сознавая, что их шансы проникнуть в крепость уменьшаются с каждой секундой.

– Снар, быстрее! – раздался звонкий писк у меня над головой.

Я левой рукой ухватил болтающийся конец веревки и мгновенно захлестнул его на запястье «двойной змейкой». Простейший узел воздушных гимнастов, надежный как наручники и распускающийся сам собой, стоит только разжать кулак. Вскарабкаться по канату времени не было без риска, что ближайший нео не поползет следом, покусывая меня за пятки. Оставалось лишь надеяться, что кто-то добрый и сильный втянет меня вверх. Или же поступит логичнее – плюнув на милосердие и любовь к ближнему, сбросит с башни свободный конец каната. Хотя я и не качок, но свои во-

семьдесят кило живого веса на говяжьей тушенке накушал...

Впереди волосатой шайки мчался сам Рренг, подавая пример рядовому составу. В его лапе был зажат тот самый топор, которым меня собирался приласкать покойный Рарг, а на башке вождя угрожающе скалился парадный лошадиный череп. Дежавю, одним словом. Правда, на этот раз не было у меня возможности уйти в сторону от сокрушающего удара...

Я поднял ВСК-94 одной рукой и дал короткую очередь. Оружие задержалось будто живое существо, пытающееся вырваться из моих пальцев. Но с такого расстояния сложно было промахнуться.

Как всегда в такие моменты, мое личное время слегка замедляет свой бег, и я имею возможность в полной мере насладиться видом приближающейся смерти.

Выскобленный череп, заменяющий шлем вождю клана Раргов, разлетелся на кусочки. Я видел, как две пули вонзились в лобную кость парадного «шлема», превратив его в веер костяных осколков, как третья пуля пропахала кожу над бровью нео и, скользя по покатоному лбу, улетела в никуда в обрамлении кровавых брызг... И как эти эффектные с виду происшествия не произвели на Рренга ни малейшего впечатления.

Он продолжал мчаться ко мне гигантскими прыжками, не снижая скорости. Огромный топор был немного тяжеловат даже для такого гиганта, поэтому он заносил его через сторону, словно косу. Верное решение. Разрубить напополам жи-

вое препятствие в моем лице, бросить топор, схватиться за веревку – и через пару секунд он на вершине башни.

Но препятствие было решительно против.

Я немного опустил ствол ВСК-94. Вряд ли очередь в упор остановит такую тушу, но попытаться-то надо...

Мощный рывок чуть не выдернул из плечевого сустава мою левую руку. Тысяча руконогов! Я был настолько впечатлен видом атакующей шайки первобытных, что даже на мгновение позабыл о веревке... благодаря которой топор Рренга не располовинил меня, а с хрустом врубился в кирпич крепостной стены на миллиметр ниже подошв моих берцев.

Кто-то очень сильный рывками тянул меня кверху, при этом не особенно заботясь о моем комфорте. Меня тут же по инерции неслабо приложило лопатками и правым локтем об заложенное кирпичами окно второго этажа, аж дыхание перехватило, и я лишь чудом удержал в руке свой ВСК-94. Но это мелочи. Неужто удалось уйти без потерь?

Никогда раньше времени не стоит праздновать победу, даже мысленно.

Снизу раздался негодующий рев нескольких луженых глоток. Я глянул вниз – и чисто рефлекторно сжал колени, пытаясь уберечь самую ценную часть организма.

Потому что, потерпев фиаско у подножия башни, Рренг поднатужился, размахнулся и метнул вверх трофейный топор. И сейчас эта громадная железяка с грубой деревянной

рукоятью, вращаясь, неторопливо догоняла меня, словно гигантский пропеллер, сорвавшийся со своей оси.

Мне предстояло на собственной шкуре убедиться, что с метанием в клане Раргов было все в порядке. Неважно куда и чем ударит по мне это страшное оружие, топором или рукоятью. В первом случае на башню втянут труп, во втором – инвалида. Ни то ни другое меня не устраивало, поэтому я начал стрелять.

Но попасть в летящий предмет из снайперского комплекса, удерживаемого одной рукой, в то время когда тебя самого мотает из стороны в сторону, даже для меня оказалось непросто. Одна пуля вроде задела рукоять топора, а может, мне это просто показалось, перед тем как оружие Рренга нашло свою цель...

Сверкающее лезвие ударило с ужасающей силой – и я понял, что правой руки у меня больше нет. Она просто отсохла и мгновенно онемела. Такое бывает при резком травматическом воздействии на крупные нервные узлы. Но при этом мне крупно повезло во второй раз.

Удар тяжелой железяки пришелся по винтовке.

ВСК-94 выбило у меня из руки, и, словно со стороны, я увидел, как мое оружие с разбитой оптикой медленно падает вниз... на фоне моей руки с неестественно оттопыренным в сторону указательным пальцем. Удар по снайперскому комплексу пришелся в тот момент, когда я жал на спуск, и палец просто вывернуло из сустава. Последнее, что я видел, это как

к моей многострадальной винтовке бросился какой-то лохматый дебил и со всей дурацкой мочи опустил на ее рукоять громадную дубину, утыканную обрезками арматуры.

А потом меня довольно грубо схватили, протащили меж зубцов башни и поставили на ноги.

– Полегче! – взвыл я, ощутив вдруг неслабую боль в онемевшей руке. – Мало того что гостя чуть об стену не убили, так...

И осекся.

На меня с высоты двух метров смотрели немигающие, абсолютно бессмысленные глаза. Заглянешь в них, и сразу понятно становится: беседовать с их хозяином бесполезно, причем даже о водке и девчонках. Просто не дойдет до моего спасителя и самая простая информация, что доходит до пациентов сумасшедшего дома, которые в подавляющем большинстве своем далеко не дураки насчет покурить-выпить-закусить и за слабым полом побегать при случае.

Комплекцией обладатель стеклянных глаз очень сильно походил на борца сумо. Непомерные габариты, лысая шишковатая башка, одутловатые руки и ноги в язвах, свисающие на грязные трусы складки жира, покрытые синюшными пятнами... Вдобавок ко всему мой спаситель остро вонял звериным вольером, даже нео, по-моему, благоухали несколько менее отвратно.

Но при всем при этом борец со следами начинающегося разложения на теле сейчас держал в руках веревку, при по-

мощи которой он выдернул меня снизу. И с этим приходилось считаться. Как и с тем, что за самый кончик спасительного каната держалась Рут. Помогала, значит. Спасибо тебе, зверюшка, я этого не забуду.

Борец хлопнул глазами раз-второй, после чего, словно очнувшись от коматоза, вздрогнул, сдвинулся с места и направился к куче колотых фрагментов кирпичной стены. Подойдя, схватил самый большой обломок, не целясь, перекинул его через зубцы и наклонился за следующим.

Понятно. Целился за него кто-то другой – и я даже догадываюсь кто. Причем целился результативно. Снизу раздался глухой удар в мягкое – и сразу за ним истошный, жалобный вопль, который может издавать лишь живое существо, умирающее плохо и больно.

Рут посмотрела на меня. В ее глазах стояли слезы. И это тоже понятно – как-никак, внизу пытаются штурмовать стену замка ее родичи. Причем наверняка она узнала голос того, кто сейчас раздавленный корчился внизу... Потом ее взгляд скользнул вниз и остановился на моем пальце. Реакция оказалась более неожиданной и гораздо более бурной, чем можно было ожидать. Вот уж не думал, что мой выбитый из сустава палец будет для нее важнее погибшего сородича.

Лохматенькая реально залилась слезами. Думаю, все-таки дело не в пальце – просто действие спирта закончилось, и нервное напряжение отпустило девчонку.

– Тебе больно?!

Вместо ответа я взялся за поврежденный палец, рванул его от себя на выдохе – и невольно скривился. Не фатально конечно, но приятного мало. Хотя травма привычная, сколько раз на тренировках пальцы выбивал. Главное, тут же вправить вывих, чтоб отека не было. Дальше ерунда. Поболит да перестанет.

– Переживу, – хмыкнул я. – Пойдем.

И, взяв юную нео за лапу, направился к выходу.

Круглая верхняя площадка башни представляла собой невысокий конус, крытый бронированным листом и огражденный двадцатью семью зубцами. Через каждые девять зубцов – широкий просвет для установки орудия. Правда, вместо трех стояла здесь лишь одна-единственная древняя чугунная пушка, да и то вряд ли действующая. Покрытый лоскутами мха лафет разохся и потрескался, и ни ядер, ни коробов с порохом рядом не наблюдалось.

Зато наблюдался остроконечный двускатный навес над узким прямоугольником входа, не имеющего даже намека на дверь. Интересно, как сумоист протискивает меж косяков свои тела? Или он живет здесь? Судя по бадье, наполовину заполненной испражнениями, вполне может стать.

Кстати, последнее, что я видел перед тем, как покинуть крышу башни, была картина маслом – сумоист, выливающий содержимое бадьи предположительно на головы нео, беснующихся возле стены. Странно. Вряд ли такой вариант контратаки мог серьезно повредить мутантам, разве что штурм от-

срочит ненадолго, пока лохматые будут вытирать морды, за-
лепленные чужими какашками.

«Тут неподалеку котях живет, – пояснил голос у меня в го-
лове. – Мы его не убили, а приучили два раза в день за жрат-
вой приползать, на запах испражнений кормовых. Вонь жут-
кая, зато польза очевидная. Нео котяхов побаиваются, так
что сейчас свалят как пить дать».

Хммм, а похоже, несладко здесь приходится моим друж-
кам, если они всерьез занимаются дрессировкой живого
дерьма, вместо того чтоб героически отстреливать вражью
силу.

«Выйдешь наружу – сразу налево за угол, и в подъезд. Тре-
тий этаж».

Судя по недовольному голосу Фыфа, насчет дрессировки
я попал в точку.

...Во внутреннем дворе замка не было ничего интерес-
ного. Кучи хлама и мусора, разбросанные повсюду, мрач-
ные стены тюремных корпусов, заслоняющие небо, залитая
кровью широкая деревянная плаха, возле которой валялась
чья-то сгнившая рука. Про себя я отметил, что кровь еще
свежая. Получается, пораженная гангреной мясистая конеч-
ность вполне могла принадлежать родственнику нелетучего
Карлсона, живущего на крыше башни.

«Вот только зачем несчастному дауну руку отрубили? –
размышлял я, войдя в указанный Фыфом подъезд и подни-
маясь по грязной, разбитой лестнице. – Первую помощь ока-

зывали или...»

– Или, – произнес скрипучий голос. – Выбросили то, что нельзя сожрать. На то они и кормовые.

На третьем этаже были сломаны все перегородки. Лишь обшарпанные колонны подпирали потолок огромного пустого помещения. Пол, засыпанный слежавшимся от времени мусором, стены с чудом сохранившимися следами декоративной отделки и единственный огромный стол в центре зала.

Фыф сидел на столе, поджав под себя ноги в позе буддистского монаха. Вид его мне не очень понравился. В прошлый раз мутант выглядел куда лучше, хотя и тогда ему пришлось несладко. За то время, пока мы не виделись, он похудел, осунулся, щеки ввалились, под пустыми глазницами синяки, какие у людей случаются от хронического недосыпа. Лишь единственное око в середине лба горело неестественным, лихорадочным огнем.

– Это вы, что ль, тут людей откармливаете, а потом хомячите? – поинтересовался я.

– Не люди это, – буркнул мутант. – Оказывается, Бутырка уже много лет не что иное, как база для выведения мясных пород кормовых. Безотходное производство, налаженное нео. Хворых забивают и скармливают тем же кормовым, здоровых сами жрут. Не такие уж они идиоты, как кажется на первый взгляд. Правда, глазастая?

Высунувшаяся было из-за моей спины Рут тут же юркнула

обратно. Глазищи по пятаку, видать, впервые живого шама увидела. Согласен, по первости зрелище не для слабонервных.

– Ты-то здесь какими судьбами? – осведомился Фыф, похоже предпочитавший живую беседу ментальному общению. А может, так просто усилий меньше тратится? Помнится, трехголовый Мутант тоже был большим любителем языком почесать, хотя и мысленно мог общаться запросто.

– На ПМЖ, – коротко ответил я.

– Не лучшее место для эмиграции, – качнул головой мутант, отчего поникшие глазные отростки слегка шлепнули его по щекам.

– А ты чего здесь делаешь? – в свою очередь осведомился я. – И где Данила с Настей? Кстати, в прошлый раз чем дело кончилось?

– Нормально кончилось, – криво усмехнулся Фыф безгубым ртом. – После того как ты в свой мир ушел, мы танк угнали и Кремль спасли. А нас кремлевские чуть в расход не списали. Потом, правда, одумались, но было поздно⁵. Мы гордо свалили оттуда и сами себе крепость захватили.

– Это да, – кивнул я. – Только что-то по этому поводу радости особой я у тебя на лице не вижу.

Мутант вздохнул.

– Это знаешь, как с любой мечтой. Всю жизнь хотел иметь

⁵ Подробно об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Кремль 2222. Юг».

собственный замок, чтоб никакой козел был мне не указ. Ну вот он, замок. Сажу на столе, мысленно управляю кормовыми на стенах, чтоб они отгоняли нео кирпичами да выломанными прутьями из решеток. Смотрю их глазами на всё это дерьмо вокруг замка и прикидываю, сколько еще выдержу. Третью ночь не сплю, пока сладкая парочка кладку долбит.

– В смысле? – не понял я.

– Да я тут наспех стены и фундамент просканировал. Так в одном из карцеров за стеной еще одно помещение имеется, замурованное. Судя по кладке, еще при Екатерине схрон делали. В пять кирпичей толщиной и раствор какой-то зверский. Данила со своей железной леди уже два дня стену ковыряют, и пока конца не видно.

– А ты уверен, что оно того стоит? Там поди за столько лет всё уже в труху превратилось.

– Уверен, – упрямо поджал губы Фыф. – Иначе я бы тут не сидел и давно б уже свалил отсюда. И хрен с ней, с мечтой, и с замком этим, обошелся бы как-нибудь.

– И где этот карцер? – поинтересовался я.

– Повидаться решил с кентами? – хмыкнул мутант. – Ну сходи, поручайся. Проведу мысленно.

– Совсем ты блатной стал, Фыф, – покачал я головой. – Тюрьма, что ли, действует или в прошлый раз больно много лишней инфы из Квантового Накопителя качнул?

– Нормально качнул, – сварливо произнес мутант. – И тебе бы не помешало. И некоторым, которые сейчас в карцере

кирками машут. Кстати, ты там девчонку-то свою спас?

– Спас, – коротко бросил я. – Ты вроде обещал меня в карцер проводить.

– Было такое. Иди, – безразлично сказал Фыф, после чего завел лапку за спину и, достав оттуда автомат «Кедр», принялся с ним возиться, показывая всем своим видом, что разговор окончен.

Я мысленно пожал плечами. Что-то совсем у него характер испортился. Хотя, если я не посплю три дня, ко мне тоже лучше не подходить на расстояние прицельной дальности любого оружия, которое подвернется под руку.

Тем не менее в моей голове нарисовалась вполне читаемая карта тюрьмы, причем я точно знал куда идти. Ну я и пошел. Рут – хвостиком за мной.

Не успели мы выйти из зала, как «хвостик» заговорила. Причем голосом, странно звенящим от напряжения:

– У Снара есть баба?

– Не баба, а жена, – машинально поправил я. И удивленно обернулся: – А тебе какое дело?

Ну и ну... Глазищи Рут подозрительно блестели, вот-вот заплачет.

– «Жена» – это баба?

Вот только истерик мне сейчас не хватало! Я неопределенно покрутил пальцами в воздухе.

– Хммм... Бывшая баба.

Нео шмыгнула носом и вроде немного повеселела.

– Значит, теперь у Снара...

– У тебя, – поправил я.

– Теперь у тебя нет бабы?

– Нет, – выдохнул я. – Пошли уже, а?

– Пошли, – довольно кивнула первобытная ревнивица и уцепилась лапкой за мой мизинец.

Ну что ты будешь делать? Кто б из моих старых корешей это увидел, обстебали бы с ног до головы! Причем я готов был поклясться, что в моей голове раздался ехидный тихий смешок – похоже, Фыф все-таки научился мысленно пробираться через последствия моих ментальных блоков. Ну и ладно, хихикайте сколько влезет. А лохматой девчонке я как-нибудь на досуге попробую объяснить, что взрослый мужик и нео тинейджерского возраста это примерно как дельфин и русалка. Которые один – хищный зверь, а другая вообще из области фантастики.

* * *

...Тюремных корпусов было несколько. Некоторые запечатаны наглухо, даже решетки со стальными жалюзи на окнах целы, и из-за них возня какая-то слышится. Небось загоны, где кормовые содержатся. Другие же здания практически превратились в руины.

Мы шли вдоль стены корпуса, из которой несколько кормовых ломами вырубали куски кирпичной кладки. Понятно

теперь откуда у обороняющихся такое обилие метательных снарядов. И материала для них еще хватит надолго – нео ковырялись на уровне третьего этажа, снесенного едва ли наполовину. Остальные два пока что оставались практически нетронутыми ни временем, ни мутантами и мертво смотрели на нас пустыми дырами оконных проемов.

Я вспомнил про копьё, просвистевшее у меня над ухом. Вот, значит, откуда оно взялось, судя по остаткам металла, торчащим из широченных откосов и подоконников. Стальные решетки, вмурованные в стены, а теперь вырванные из них, разорванные и заточенные, превратились в еще один вид метательного оружия.

Похоже, кормовые уже не первый день разделявали здание на снаряды. В одном месте стена слегка просела от времени, и в ней образовалась трещина. Из этого слабого места успели выковырять неслабое количество кирпичей, прям целая пещера образовалась. В эту пещеру и вела ментальная карта Фыфа.

Я шагнул в полумрак старинного здания. Спертый камерный дух шибанул в ноздри, мгновенно вызвав в памяти давние воспоминания. Да уж, эту специфическую тюремную вонь, намертво въевшуюся в древние стены, забыть невозможно...

Я вытащил из рюкзака мощный тактический фонарь. Круг белого мертвенного света выхватил из темноты ступени, ведущие вниз. Видимо, в тот карцер, о котором говорил

Фыф, — снизу доносились равномерные удары, гулко разносящиеся по зданию тюрьмы.

— Страшно! — пискнула сзади Рут.

— Не то слово, — кивнул я, направляясь к лестнице. — Аж жуть.

Хотя, если без шуток, вокруг было и вправду жутковато. Луч фонаря то и дело выхватывал из темноты пятна рыжего, слабо шевелящегося мха, чьи-то кости, ржавые прутья решеток, когда-то давно перегораживающих проход. Неведомая сила вырвала их из гнезд, скрутила, переломала словно макароны и отбросила в сторону. Да уж, не хотелось бы мне встретиться в узком коридоре с тем, кто так непринужденно обращается с железками толщиной в два пальца...

Наконец спуск по разбитым ступеням закончился. Перед нами был широкий коридор, по обеим сторонам которого тянулись черные прямоугольные дыры. Знакомая картина. Только дверей с глазками и огромными камерными замками в большинстве этих дыр не было. Сгнили небось от сырости и времени, или же их просто выворотили из косяков бывшие хозяева тюремного замка и растащили под свои нужды. На своих местах остались лишь две двери, с обширными пятнами ржавчины на черном металле. То ли их поменяли перед самой войной, то ли им просто повезло больше, чем соседкам по коридору.

Удары слышались из самой дальней камеры, куда мы и отправились. Рут с неприкрытым страхом прижималась ко мне

теплым боком. Странно, вроде отважная девчонка...

— Плохих баб нашего племени тоже отправляли сюда, — дрожащим голосом проговорила она. — Кормовым никогда не хватало корма.

Теперь понятно. Я, конечно, ничего не имею против первобытно-общинных порядков, когда, как мужик сказал, так девчонки и сделали. Но это уже как-то слишком...

Конца коридора мы достигли довольно быстро, причем я сразу отметил некоторую его асимметрию. Камеры были расположены не одна напротив другой, а в шахматном порядке. И расстояние между дверью крайней камеры справа и тупиковой стеной коридора получалось весьма значительным. Может, и вправду там тайник какой?

Я перешагнул порог последней камеры и выключил фонарь. Здесь и так было достаточно светло. Несколько факелов, воткнутых в остатки раскуроченных железных нар-«шконок», успешно разгоняли темноту.

Возле стены увлеченно работали двое. Я аж залюбовался этой картиной. Ну прям рабочий и колхозница, хоть статую с них лепи.

Данила, поигрывая мощными мускулами и явно рисуясь перед дамой, хреначил в стену кувалдой. Вместо рукояти к прямоугольной стальной болванке был приварен обрезок толстенной трубы, для улучшения хвата плотно обмотанный веревкой.

Кстати, Рренг наврал. Гладкокожая самка была в замке од-

на – но зато какая! Настя не отставала от дружинника, долбя по кирпичной кладке киркой внушительных размеров с аналогичной рукоятью. Еще вопрос, какой из инструментов тяжелее. И, кстати, второй вопрос – кто сильнее в этом тандеме? Дружинник с генетикой, прокачанной учеными прошлого, или же девушка-киборг с танталовым скелетом и полусинтетическими мышцами.

Конечно, атлетическая фигура обнаженного до пояса Данилы впечатляла, но я не из тех, кто с замиранием сердца восхищается мужскими телесами. Гораздо приятнее было смотреть на Настю, трудившуюся над стеной топлес, то есть без лишней одежды, стесняющей движения. И это правильно. Я тоже обеими руками за то, чтоб девушкам во время работы ничто не мешало. Особенно если у них такие формы, как у этого киборга.

– И ничего особенного, – громко сказала Рут, при свете факелов разом позабывшая про все свои страхи и слегка подавшая вперед свой и без того роскошный бюст. – Кио – это те же био, только похожие на хомо.

Данила и Настя разом обернулись.

– Снайпер! Живой!!! – заорал дружинник, отбрасывая кувалду, – и полез обниматься.

– Да живой, живой...

Я попытался отстраниться от потных объятий, но в борьбе с этим медведем шансов у меня не было. Меня просто схватили в охапку и чуть не раздавили. Потом, правда, опомни-

лись.

– Как ты? Какими судьбами?? Скажи, это ж ты завалил Крага, когда он меня мечом на ленты резал???

Рот до ушей, в глазах искренняя радость. Приятно, черт возьми, когда на твое появление реагируют так открыто и искренне. Нечасто встретишь подобное. В моем мире чаще бывает, что добро принимается как должное и забывается тут же. И если здесь принято по-другому, то это реально еще один серьезный аргумент в пользу моей эмиграции.

– Ну... я.

– Я так и знал! – заорал Данила и снова полез с объятиями.

– Погоди, погоди, – притормозил я дружинника. – Потом вспомним минувшие дни. Лучше расскажи, как у вас тут дела продвигаются. Кстати, привет, Настя. Неплохо выглядишь.

– Спасибо, – довольно холодно кивнула кио. – Рада, что ты выжил. А эта обезьянка, которая с тобой, ручная? Не кушается? Ты уже приучил ее ходить на газетку?

Сзади послышалось довольно грозное рычание. Вот только женских разборок мне тут не хватало! Но Данила меня опередил.

– Так, красавицы, хорош сиськами мериться! Снайпер прав, давайте лучше о деле.

– Давайте, – сказал я, поднимая с пола кирпич, вывернутый из стены Настиной киркой.

Интересный привет из прошлого. С клеймом на одной из

поверхностей – вдавленный двуглавый орел. И четыре цифры на другой – «1784». Никогда такого не видел. Спецзаказ, что ли? Похоже на то.

Очень мало этих кирпичей, выломанных из стены, расколосось от сокрушающих ударов. Цементированными кусками вываливались, да. Но не разваливались подобно тем, которые десантура в моем мире лихо крушит кулаками на показательных выступлениях. Интересно, вся тюрьма из таких кирпичей сложена или это только достопримечательность данной камеры?

Стена, над которой славно потрудились Данила с Настей, интриговала меня все больше и больше. То, что молотили они по ней душевно и старательно, – видно. Даже успехов определенных добились. Дыру расковыряли глубиной в два кирпича, изрядно сточив и кирку, и даже кувалду. Но в глубине той дыры явно виднелся еще один слой фирменной кладки времен крутой императрицы.

Мне вспомнились стены храма Покрова, оказавшиеся не по зубам ни боевым роботам, ни неумолимому времени. Да уж, умели предки строить! И если здесь такая же кладка трехметровой толщины, то придется Даниле с Настей запасть вагоном шанцевого инструмента и ковыряться здесь примерно до Четвертой мировой.

Если, конечно, не подойти к проблеме с другой стороны. Я снял с плеч и положил на цементный пол свой рюкзак. После чего откинул верхний клапан и, покопавшись, извлек

параллелепипед, упакованный в пластиковую пленку оливково-серого цвета. В свете факелов на его поверхности можно было разобрать надпись на пиндосском, пропечатанную крупными желтыми буквами:

WEIGHT: 1 1/4 POUNDS COMP. C4

WARNING POUSOMIUS IF EATEN

DO NOT BURN PRODUCES TOXIC GASES⁶

Бес его знает, зачем я волок на себе из зазеркалья полкило трофейной американской взрывчатки. Зачем-то волок. Наверно, как раз вот для такого случая.

В кармашке моего рюкзака нашелся комплект медицинских перчаток. Весьма забавно было мне видеть в фильмах – в том числе и в пиндосских – как вояки голыми руками лепили из C4 заряды нужной формы, а после бегали, стреляли, подрывали, свистели в два пальца и небрежно-героически закидывали в рот пластинки жевательной резинки. Дело в том, что пластичная взрывчатка Composition C4 штука весьма ядовитая. И после работы с ней не рекомендуется чесать ногтями язык, несколько раз не помыв перед этим ладошки горячей водой с мылом. Ибо в противном случае будет это первой и последней ошибкой сапера.

Потому сейчас я, надев на руки перчатки и разорвав упаковку, аккуратно пластал брикет ножом, попутно прикидывая, как получше расположить заряд в продолбленной нише.

⁶ Вес: 1 1/4 фунта композиции C4. Предупреждение: ядовито при попадании внутрь. При горении выделяются ядовитые газы.

Очень хотелось, чтоб после взрыва дыра углубилась, и при этом потолок коридора не сложился нам на голову.

Тут мой взгляд упал на доспех Данилы, аккуратно сложенный в углу. Кольчуга со стальными накладками, широкий боевой пояс с бляхами и мечом на специальном подвесе. А сверху – островерхий шлем со стальной полумаской, защищающей верхнюю часть лица. То что надо!

Данила, Настя и Рут почтительно стояли у стены и наблюдали за тем, что я делаю.

– Слушай, воин, – сказал я. – Шлем у тебя, конечно, знатный, но мы тебе другой найдем. Потом. А сейчас надо бы им пожертвовать. Если мы, конечно, действительно хотим проковырять дырку в этом гипсокартоне.

– Зачем тебе мой шлем? – настороженно спросил Данила. Понимаю его, я б тоже так запросто со своей амуницией не расстался.

– Кумулятивный взрыв, – догадалась Настя.

– Какой? – пискнула Рут.

– Направленный, – сказал я, предупреждая язвительные Настины пояснения. – Ну что, даешь?

– Бери, – обреченно махнул рукой Данила. – Только если не получится, обидно будет. Шлем старойковки, один из лучших в Кремле. Боярский...

– Только не стони, ладно? – скривилась кио. – Лучше безкепки походишь, чем с нею на стенах махать.

– Должно получиться, – сказал я.

Коническую верхушку шлема Данила, вздохнув, снес мечом. Отличный удар, после которого на лезвии появилась заметная вмятинка. Дружинник вздохнул вторично.

— Ладно тебе, оселком подправишь. Я в тебя верю, — неожиданно поддержала его Настя.

Надо же. А мне показалось, что кии за время моего отсутствия превратилась в конченую стерву. Рад, что ошибся.

Я заполнил шлем взрывчаткой и вставил в него механический детонатор замедленного действия с восьмисекундной задержкой. По сути гранатный запал с чекой, но применяемый для взрывных работ. К ручке боевой чеки я привязал длинный кусок парашютной стропы, который вывел через глазницу стальной полумаски. После чего аккуратно забил получившийсякумулятивный заряд в нишу. Оставалось чем-то заблокировать открытую часть шлема, причем заблокировать основательно.

Мы сообща оторвали последнюю пару ржавых, но все-таки сохранившихся дверей камер и закрыли ими дыру в стене. Дополнительно в тех же камерах из пола были выдраны железные «шконки», которые забили враспор, эдакой баррикадой от стены к стене, благо камера была небольшая. Естественно, что осуществлялся процесс за счет грубой силы мутантов и мудрого руководства генератора идей. То есть меня. Выдирать из пола и косяков железяки мне было не по силам, а вот направить мощь гипертрофированных мышц в нужное русло — это мы всегда и с удовольствием.

Наконец между двумя стенами тесного карцера выросла довольно мощная перегородка.

Я взял в руки стропу и кивнул народу на коридор.

– Вылезайте из этого подвала. Стропы у меня не километр, и по саперному делу я далеко не отличник.

Признаться, сейчас я остро пожалел, что, как в прошлый раз, не запасся дистанционным пультом управления и радиодетонаторами. Помнится, после успешного применения такой комбинации я получил в качестве трофея ядовитые железы матки руконогов. Уже в своем мире, на Украине, я загнал их одному знакомому профессору за очень приличную сумму. Но за удобства приходилось платить немалые деньги, которые я предпочел вложить в нулевое огнестрельное оружие. Правда, сейчас от него остались одни воспоминания... Н-да, знал бы где упасть, упал бы в другом месте. И если сейчас меня завалит на хрен в этом подвале, то, кроме себя, винить некого. И Фыф, зараза, не говорит, что в этом схроне спрятано. Может, вообще впустую вся эта возня...

Я вышел в коридор, осторожно стравливая белый шнур между пальцев, и прижался спиной к стене. Всё, девять метров. Длиннее строп для Д-шестого парашюта не делают. Можно, конечно, связать несколько вместе, но толку от этого немного. Один хрен, если потолок обвалится, то по закону подлости обязательно на мою голову. В общем, впредь деньги впустую не тратим, а на весь наличный капитал запасаемся ультрасовременной снарягой. А пока...

А пока что я дёрнул стропу. После чего, почувствовав образовавшуюся слабинку, развернулся на сто восемьдесят и рванул по коридору, освещая себе путь фонариком. Добегу до лестницы, не добегу до лестницы?..

Добежал. И тут фонарь выхватил из темноты глазищи.

– Какого...

Договорить я не успел – позади грохнуло. С потолка посыпалось что-то, раздался треск...

По саперному делу у нас были краткосрочные курсы во Французском легионе. Но какие побочные эффекты могут быть от применения кумулятивного заряда в замкнутом пространстве, я забыл напрочь. Потому на всякий случай прыгнул вперед, сбил с ног юную нею и накрыл собой сверху. Если потолок рухнет, Данила точно постарается разгрести завал. Глядишь, Рут выживет...

Потолок выдержал. Только рядом со мной грохнулся на пол приличный кусок отвалившейся штукатурки – и на этом дело кончилось.

– Не вставай, а? – донеслось снизу.

Вот черт! «К нам сегодня приходил снайпер нео-зоофил...»

Но это было еще не все. За мгновение до того, как я вскочил на ноги, над моей головой раздалось недоуменное:

– А чего это вы здесь делаете?

Естественно, по-другому и быть не могло. На лестнице стояли Данила с Настей, держа в руках факелы.

– Не видишь, что ли. Снайпер дырку пробивает. Кумулятивно, – сказала Настя.

– Смешно, – довольно сурово произнес Данила. – Знаешь чего, красна дева, заткнулась бы ты. А то я рассержусь ненапроком и кой-кого говорливого воспитаю розгами по округлостям.

Сомневался я, что Данила сумеет осуществить свою угрозу. Да и почувствует ли боевая машина в женском обличье шлепки по роскошной попе – большой вопрос. Но, с другой стороны, в одном кии права. Надо уже определиться со статусом Рут, которая, похоже, твердо решила записаться ко мне если не в жены, то в наложницы. А я пока не настолько социально адаптировался в этом мире, чтобы заводить себе лохматую любовницу нежного возраста с мордочкой симпатичной обезьянки.

Все это промелькнуло в моей голове, пока я вставал с Рут, а потом удерживал юную нею, рассвирепевшую не на шутку. Честно говоря, это было нелегким делом – оскорбленная в лучших чувствах леди обладала первобытной силой. Настя расслабленно стояла на лестнице, держа в руках факел, и ее сладкая улыбка не сулила ничего хорошего. Я прекрасно помнил о скрытых способностях кии и понимал, что если Рут вырвется, то жить ей останется не больше секунды.

– Хорош рычать! – сказал Данила. Он подошел к нам, взял нею за загривок и слегка встряхнул. Рут послушно рычать перестала и захныкала, как провинившаяся школьница:

– А чего она...

– Хорош! – повторил Данила. – Обе. Не забыли зачем мы здесь?

– Вот это в точку, – сказал я, вытаскивая пальцы из шерсти на спине нео. – Пошли посмотрим, на что мы твой шлем извели.

...Баррикаду смяло взрывом в невообразимый ком рваного железа. Но и дыра в стене увеличилась существенно. Теперь она была размером почти в рост человека.

Данила уважительно крикнул и протянул мне факел – мол, кто дел наворотил, тот пусть первый и смотрит на результаты своей затеи. Эдакий жест уважения, после которого воспользоваться фонарем уже было как-то неудобно.

Я подошел. Сунул факел в дыру. И, если выражаться прилично, сильно удивился.

Взрыв вырвал из стены четыре слоя кирпичей... под которыми виднелся пятый. Японская мама, сколько ж там слов кладки наворочено?! А взрывчатки-то у меня больше нет. Одна оставшаяся граната не в счет. Если заряд С4 стену не взял, то противопехотная «эфка» для нее что комариный укус для слона. И взрывчатку дефицитную впустую потратил...

Плюнув, я в сердцах долбанул по стене ногой... и услышал вздох. Словно там, за неприступной преградой, кто-то с силой втянул в себя спертый воздух подземелья. Даже щеки легкий ветерок коснулся, попутно дернув пламя факела

за огненный язык. Что здесь в принципе было невозможно – вентиляция небось уже две сотни лет как не работает.

– Ты слышал?

Вопрос Данилы подтвердил, что я не сошел с ума и глюк посетил не меня одного.

– Как будто вакуумную камеру открыли, – заинтересованно произнесла Настя, мигом забывшая об обидах и разборках. Рут тоже высунула из-за спины Данилы любопытную мордочку.

– А ну, разойдитесь. Дайте-ка я...

Данила поплевал на ладони, ухватил кувалду, лежавшую в углу, размахнулся – и со всей дури долбанул по стене...

И чуть не упал.

Тяжеленная железяка проломила стену и ухнула внутрь, силой инерции потянув за собой дружинника. Но тот вовремя спружинил ногами, выдернул инструмент из дыры и в несколько ударов расширил ее довольно неслабо. Теперь даже он, несмотря на необъятную ширину плеч, мог пролезть не застряв в кирпичной кладке. Не говоря уж о нас.

Правда, лезть в дыру не хотелось. Внезапно из нее потянуло такой вонью, что я чуть не задохнулся. Краем глаза отметив, что мои спутники переносят ароматы тайника вполне спокойно, я быстренько сунул Даниле факел обратно, выдернул из подсумка рюкзака противогаз и отработанным движением натянул его на голову. Что аборигенам хорошо, то нам лучше в средствах индивидуальной защиты.

Еще я отметил, что никто не удивился изменению моей внешности при помощи ГП-7ВМ. Покопались на резиновую морду с треугольными линзами, блямбой переговорного устройства и фильтрующе-поглощающей коробкой на челюсти – и полезли себе в дыру. Будто каждый день таких монстров встречали. Да уж, интересный мир – вариант замшевого Средневековья, где, что мечи, что чугунные пушки, что пистолеты «Форт», гранаты и противогазы, удивления ни у кого не вызывают.

Ладно, философствовать будем потом. Надо бы поглядеть, чего ради мы ломимся через эту стену. Судя по вони, которая из-за нее доносилась, ничего хорошего там не сохранилось, кроме какой-то несусветной гнили и концентрированного дерьма.

Как же я ошибался...

Помещение, в которое мы проникли, по сравнению с карцером площадь имело неслабую. Метров пятьдесят квадратных. Посредине – гора правильной формы, состоящая то ли из ящиков, то ли из массивных сундуков. А вдоль стен – какие-то темные пятна на уровне пола. Факелы от недостатка кислорода почти потухли, и разглядеть что-то конкретное в темноте было практически нереально.

Я вновь достал фонарь. Врубил его – и невольно содрогнулся. Я, конечно, много чего видел на свете, но всему же есть предел.

Вдоль стен каземата на полу сидели люди в рваных лохмо-

тях, едва прикрывавших плечи и гениталии. Тощие шеи обвивали широкие железные ошейники с тремя звеньями короткой цепи, намертво приклепанной к монолитной кирпичной кладке. Луч света выхватил на голове ближайшего узника остатки когда-то роскошной седой шевелюры, чередующиеся с кроваво-черными проплешинами – не иначе волосы у несчастного вырывали пучками.

Я сделал несколько шагов вдоль страшного собрания трупов, живо напомнившего мне другое подземелье, в котором я сам когда-то сидел вот так, не имея возможности пошевелиться...

Руки, ноги и лица пленников тоже имели следы пыток огнем и железом. У многих были разодраны рты, вырваны ноздри, выколоты глаза. Судя по неестественному положению ног, перед тем как покинуть камеру, тюремщики перебили коленные суставы узников. И бросили их умирать страшной смертью, оставив возле каждого глубокие деревянные плоски с едой и глиняные кувшины, наполненные то ли водой, то ли вином.

А еще на полу было очень много свечей. Больших, толстых, массивных. Похоже, восковых. Если мне память не изменяет, в те времена такие свечи были страшно дорогим удовольствием. Так для чего ж сюда их столько поставили? Чтоб несчастным в темноте помирать не страшно было?

– Вакуум, – произнесла Настя. – Думаю, уже в те времена знали, что если откачать воздух из замкнутого пространства,

то органика не будет подвержена разложению. Поэтому трупы сохранились до сих пор. Легкие замурованных узников и огонь свечей пережгли кислород в этой камере, превратив ее в консерву. Возможно, первую в мире.

– Точно, – сказала темнота голосом Фыфа.

Позади послышалось шуршание – это мутант перелезал через груды битых кирпичей.

– Я не мог понять, как в таком схроне могли сохранить-ся тела, потому ничего и не говорил, – произнес он. – Думал, за психа меня посчитаете и вскрывать тайник откажетесь. Теперь многое понятно. Например, зачем императрице понадобилось через девять лет после пугачевского восстания строить неприступный замок на окраине Москвы?

– Для заключенных? – предположил Данила.

– Ага, как же, – хмыкнул Фыф. – В те времена комиссий по правам человека не было. Дубовую колодку на шею – и в яму. Если же зэк знатный, то закрывали с комфортом. В подвал. Например, в кремлевский. Их там море, половину тогдашней Москвы можно было пересажать.

– Тогда зачем крепость? – пискнула нео. – Рут... то есть. – Я не понимаю.

– Думаю, дело в этом, – сказал Фыф, указав пальцем сначала на груды сундуков, а после – на руку одного из мертвецов. Я направил туда луч фонаря.

На предплечье трупа отчетливо виднелось клеймо – витая буква «П» и три черточки под ней.

– Пугачев называл себя выжившим царем Петром Третьим. А у каждого царя имеются свои фанаты, которым самодержцы доверяют самое ценное. Например, казну. Думаю, эти мертвецы до того, как стать ими, девять лет терпели пытки, пока кто-то из них все же не рассказал, где крестьянский царь спрятал награбленное. После чего их и посадили сюда стеречь клад, ставший одним из самых солидных схронов императрицы на самый черный день. Эдакий Форт-Нокс восемнадцатого века.

Пока Фыф толкал речь, Данила от своего факела поджег пару десятков свечей. Не иначе их фитили были пропитаны каким-то особым составом – спертый воздух каземата не мешал им гореть ровным пламенем, отчего в помещении стало заметно светлее. Так они и горели в те далекие времена, пока узники бились в оковах, пережигая легкими кислород в своей каменной могиле. А потом потухли в вакууме... чтобы снова зажечься, простояв на своем месте без малого половину тысячелетия...

– А ты, одноглазый, неслабо качнул информации из «ОК-На», – задумчиво проговорила Настя. – Не зря у тебя тогда аж башка чуть не лопнула.

– Ну дык ёксель, – мутант растянул рот в беззубой улыбке. – Ты то «ОКНо», помнится, быстро вернула – в межушный ганглий много инфы не влезет. Блондинка – это не диагноз, это судьба...

Резкий удар прервал речь Фыфа. Я направил луч фонаря

на гору сундуков, возвышающуюся посреди каземата.

Так и есть.

Даниле надоело слушать перепалку шама с кио, и он занялся делом. А именно – протянул руку, ухватился за медную ручку, вделанную в боковую стенку самого верхнего сундука, и, поднатужившись, сдернул его на пол.

От удара об пол доски затрещали, но выдержали. Впрочем, неудивительно. Сундук был окован стальными полосами крест-накрест, на крышке – мощный замок. Фыф протянул лапку, наверно, сказать чего-то хотел. Но не успел. Кувалда Данилы взлетела вверх, опустилась – и смятый замок, выданный из дерева вместе с петлями, шмякнулся на пол.

– Вот ведь силища дурная, – пробормотал себе под нос Фыф. Но, скорее, из вредности. Мне тоже было весьма интересно чего ради полтысячелетия назад столь безжалостно умертвили десяток узников.

Данила откинул крышку... и очень осторожно отвел факел в сторону, явно опасаясь, чтоб на содержимое сундука ненароком не капнула горящая смола.

Я подошел ближе.

Сундук был доверху заполнен слежавшимся от времени черным порошком. Порох, что ли?

Данила уже мял между пальцев несколько крупинки. Растер, понюхал, лизнул.

– Уголь, – пожал он плечами наконец. – Обычный хорошо дробленный березовый уголь.

– Думаю, вряд ли ради угля городили весь этот цирк, – произнесла Настя.

– Точно, – сказал я. – Ставлю свой пистолет против кирки Данилы, что в остальных ящиках будет сера и селитра. Все отдельно. На всякий случай, чтоб не рвануло.

– Только сдается мне, что кроме взрывоопасных удобрений здесь найдется кое-что еще, – хмыкнул Фыф.

Он не ошибся.

Вчетвером мы быстро посбивали замки с трех десятков сундуков. Один оказался действительно под завязку набит серой, еще два – селитрой. В четырех других, длинных и громоздких, обнаружились старинные ружья. Рядом с ними лежали прямые палаши с гладкой тонкой рукоятью, по виду смахивающие на меч дружинника. Не иначе багинеты – штыки, рукоятью вставлявшиеся прямо в ствол древнего ружья.

– Вот это да! Штуцеры офицеров егерских батальонов! – восхитился Данила, выхватывая из ящика довольно приемистое ружье. – На семьсот шагов бьет! А точность-то какая!

Ну да, помню. Парень спец по музейному оружию. Хотя все равно странно. По моим представлениям, старинное кремневое ружье должно было быть подлиннее. И потом – «штуцер». Нарезное, что ли? При Екатерине???

Оказалось, историю я знал плоховато. Впрочем, оно и простительно, не на то учился.

– Нарезное, нарезное, – проворчал Фыф, похоже, так и не подумавший отключиться от моего мозга. – И молотки к

ним, пули в ствол забивать. Хотя с его-то дурью одного удара за глаза хватит.

Семьсот шагов? Сильно! Получается, Данила только что вытащил из ящика далекого предка СВД, снайперскую винтовку восемнадцатого века. Вообще-то, надо будет при случае повнимательнее присмотреться к старинному оружию – как-никак, мне жить в этом мире, и наверняка рано или поздно придется использовать музейные раритеты.

Также в ящиках нашлись пара десятков кремневых пистолетов и большой запас свинцовых пуль. Тару мы снимали слоями, начиная сверху и понемногу вынося трофеи в коридор – уж больно тесным был каземат. Данила радовался прекрасно сохранившемуся оружию, а я, признаться, начал понемногу разочаровываться. Хотелось чего-то большего, чем черный порох и древние железяки.

Желание мое сбылось, когда Данила не смог в одиночку сдвинуть очередной сундук. Дернул пару раз за толстенную ручку – никак. Что за дела?

– О как! Да на нем ручек целая дюжина! – удивленно выдал дружинник, осознав странный дизайн своей находки, переносить которую планировалось силами двенадцати человек. И тут же сбил с нее все четыре замка. Четыре! Не один, как на остальных!

Мы прекратили сортировать древний огнестрел и вновь собрались в братской могиле.

Несмотря на то что мы порядком растащили найденный

клад, окованной металлом тары еще было довольно много. Двенадцать самых больших и тяжелых сундуков стояли посреди камеры, и у одного из них Данила только что откинул крышку.

Настя тихо присвистнула. Я тоже. Дружинник и Рут не отреагировали никак. Я помнил слова Данилы, мол, в Кремле золото не имеет цены. А юная нео, может, и осознавала ценность находки, но при этом жутко устала, перенервничала и сейчас откровенно позевывала.

– Ни хрена себе, – нарушил молчание Фыф. – Я слышал, что на севере за эти блямбы народ мочит друг дружку так же, как у нас за мясо, железо и порох...

В сундуке лежали золотые монеты. Много. Очень много. Словно сброшенная чешуя сказочного дракона, переливалось в неверном свете факелов невиданное богатство. Пока мы стояли, разглядывая добычу, Данила принялся препарировать остальную тару. В которой оказалось то же самое.

Золото.

Правда, монеты были не везде. Примерно половину ценностей составляли кольца, браслеты с драгоценными камнями, массивные блюда, тяжелые кубки...

– Золотой запас империи, – подытожил Фыф. – Который нам тут на фиг не уперся. Если только...

Эту мысль он, похоже, только что свистнул из моей головы. Я перехватил внимательный взгляд единственного глаза и попросил:

– Слушай, хорош уже в моей голове копаться, да.

– Не буду, не буду, – слегка смутился Фыф. – Но мысль дельная, одобряю.

– Это вы о чем? – поинтересовалась Настя.

– Да так, идея одна возникла... – протянул мутант, явно не желая делиться с кио теперь уже нашими общими соображениями. И вдруг резко, словно почуявшая добычу охотничья собака, повернулся к дыре, которую пробил Данила в кирпичной стене. – А вот нам и трындец приснился, господа кладоискатели. Похоже, нас собрались штурмовать – и штурмовать серьезно.

* * *

Это были баги. Или руконоги. Или гигантские сколопендры с почти человеческими лицами и восемью абсолютно одинаковыми ногами. Жуткие твари длиной метра в полтора. Морда словно морщинистая кожаная маска, содранная с лица трупа. Затылок состоит из четырех сегментов, переходящих в такую же сегментированную спину. Ноги мощные и когтистые, пригодные не только для передвижения, но и для хватания разных предметов. Например, как сейчас, – тесаков, копий, топоров и другого колюще-режущего инструмента вполне понятного назначения. У иных в руконогах было зажато аж по шесть единиц вышеназванного оружия, и при этом они довольно резво, по-людски чесали на двух задних

конечностях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.